

леонид десятников

дети розенталя

опера в двух действиях
либретто **владимира сорокина**

Леонид Десятников
Фото: Алексей Костромин

Leonid Desyatnikov
Photo by Alexey Kostromin

их было пятеро

В 2005 году пять композиторов-классиков, великих создателей оперного канона – Вагнер, Чайковский, Мусоргский, Верди, Моцарт – стали не только лицами хрестоматийного театрального репертуара, но и главными героями оперы Леонида Десятникова *«Дети Розенталя»*, посвященной оперному искусству, его деталям, мифам, тонкостям истории жанра и особенностям его восприятия.

Фантастическое либретто Владимира Сорокина рассказывает не о реальных композиторах – носителях как индивидуального стиля, так и стиля ушедших эпох, – а об их дублях, искусственно созданных неким доктором Розенталем (время действия в начале сюжета – 30-е годы XX века, когда слово «клон» еще не изобрели). Однако музыкальная ткань оперы путем сложных художественных приемов создает эффект присутствия – и на сцене возникают реальные прототипы героев этой истории.

Их собственные голоса и чужие музыкальные речи, мнимые заимствования и летучие аллюзии, безошибочно узнаваемая авторская манера каждого из них – все это сплетается в музыке Десятникова так тесно, что возникает впечатление ненавязчивой игры, легкого притворства, ощущение неоконченности, зыбкости. Слушатель ждет цитаты, пытаясь уловить ее в тонко инкрустированном звучании, но мелькающие изменчивые тени почти всегда обманчивы. В опере *«Дети Розенталя»* вообще нет прямых цитат, притом что каждая из пяти картин представляет собой музыкальный портрет одного из композиторов – героев культурной мифологии своего времени (так что следы музыки Римского-Корсакова в картине, посвященной Мусоргскому, понятны и органичны). Фактически это пять настоящих

небольших опер, сочиненных придуманными дублями, и голосом каждого из них стал голос композитора Десятникова. Пять вообразаемых сочинений обернулись реальностью партитуры.

Прямые цитаты, как это ни странно, вообще редкие гости в десятниковской музыке. Ее неповторимый мир – это свободная реконструкция знаковых художественных стилей и образов с их своеобразными интонациями, особыми тембрами, уникальными ритмическими структурами, деталями инструментовки.

Согласно авторскому определению, «*Дети Розенталя*» – признание в любви к опере как к жанру, но не так уж трудно услышать, насколько это композиторское чувство не безоглядно, а, напротив, выражено в аналитически пристальном, бережном, аккуратном – интеллектуально и эмоционально – отношении к музыкальному материалу.

Внутренне сложный художественный замысел как на булавку насажен на безупречную музыкальную логику, в основе которой пять мнимых стилизаций (не стилей, а представлений о стилях!), стройный, хотя и свободно трактованный, тональный план эпизодов, следующий за контурами мотива Папагено (его самого, впрочем, почти не слышно), и гибкая драматургия оперных форм, создающая параллельный либретто, но тесно связанный с ним сюжет. Упоительный любовный дуэт, трогательный лирический диалог, ария мести, вагнеровский монолог, быстрая жанровая сцена, русская песня (кажется, что в партии Мусоргского первая песня Варлаама, едва начавшись, оборачивается второй); масштабный хор, рассказывающий не только о событиях оперы, но еще и о самом себе (так *Viva l'amore* представляет собой идею и эффект вердиевского хорового драматургического узла); прихотливо прописанные ансамбли, среди которых изысканный квинтет-колы-

бельная «*Тихая ночь. Встали созвездья*» по следам вагнеровского «*Парсифаля*» и *Песня подавальщиц* (ассоциация, словно случайная, с «*Девичьими-красавицами*» Чайковского) – все они ведут слушателя сквозь непростую историю персонажей и в то же время сквозь мир оперных воспоминаний и чувств, словно подставляя ему локоть. Другими поводьями становятся приметы оркестровки. И против оперного обыкновения она по-десятниковски изощренно-прозрачна – это вшитые в цельную ткань застрявшие в культурной памяти обороты, знаки, обрывки традиции: то мелодия флейты под аккомпанемент медных и литавр, окольным путем приводящая к Моцарту, то большой барабан и тарелки, звучащие как единый инструмент, – узнаваемый вердиевский прием.

Автор оперы вслушивается в прошлое музыки в том смысле, в каком оно просвечивает в настоящем. Используя то полузабытые мелочи, то краугольные камни прошлого как *objects trouvés* (найденные объекты), пряча их в складках ткани, не выставляя напоказ, но лишь иногда маня простотой их шаблонной выразительности (как, например, Вагнером, появляющимся с вагнеровской тубой), он пересочиняет прошлое заново, создавая тем самым хрупкое настоящее.

Искусная конструкция оперы об опере сочетается здесь с иллюзией оперного простодушия: «*Дети Розенталя*» – опера-сказка едва ли не с нравоучительной нотой, по-барочному полная волшебства и удивительных приключений, какие обычно разворачиваются вокруг любви, вокруг борьбы добра и зла. Это и опера-драма с романтически шемящим и безнадежно трагичным финалом. И опера-мистерия, и опера-фарс. Разные жанровые модели интересуют автора в той степени, в какой они способны говорить с современным слушателем не только об опере, но о его собственных ожида-

ниях, пристрастиях и слабостях. И конечно – о нем самом в его отношениях с прошлым и настоящим, как это вообще свойственно оперному искусству. «*Дети Розенталя*» – современная опера с пронзительным для современников смыслом, в котором нет места идее имитации. В ней сложная система аллюзий и мистификаций как никакая другая оказывается способна говорить с сегодняшним слушателем откровенно, давая ему, влюбленному в Атлантиду традиции, возможность проникновенного диалога и острого сопереживания. Неудивительно, что это единственное специально заказанное и филигранно исполненное Большим театром оперное сочинение постсоветского времени стало не только весьма заметным культурным событием, которое вызвало споры в момент премьеры и даже, как и полагается значительной вещи, скандал (причины которого не имеют никакого отношения к музыке), но и одной из принципиальных партитур мирового оперного искусства, нетривиальным тоном ведущего с нами разговор об опере и о нас самих.

Юлия Бедерова

Няня – Ирина Удалова, 2005
Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Nanny – Irina Udalova, 2005
Photo by Damiir Usupov / Bolshoi Theatre

Алекс Розенталь, ученый – Пётр Мигунов, *бас*

Дубли:

Вагнер – Елена Манистина, *меццо-сопрано*

Чайковский – Максим Пастер, *тенор*

Моцарт – Всеволод Гривнов, *тенор*

Верди – Василий Ладюк, *баритон*

Мусоргский – Александр Телига, *бас*

Таня, проститутка – Кристина Мхитарян, *сопрано*

Няня – Ирина Рубцова, *сопрано*

Кела, сутенер – Борис Стаценко, *баритон*

1-й соратник Розенталя – Павел Валужин, *тенор*

2-й соратник Розенталя – Даниил Чесноков, *бас-профундо*

1-я подавальщица – Руслана Коваль, *сопрано*

2-я подавальщица – Екатерина Морозова, *сопрано*

3-я подавальщица – Виктория Шиловская, *меццо-сопрано*

Беженец – Екатерина Морозова, *сопрано*

Бомж – Александр Малый-Козихинский, *баритон*

Торговка – Ирина Рубцова, *сопрано*

Проводник – Максим Пастер, *тенор*

Плакальщицы: Ольга Юкечева, *сопрано*; Мария Нефёдова, *меццо-сопрано*

Голос – Илья Ромашко

Танцующие игрушки: Балерина, Оловянный солдатик, Плюшевый мишка

Генетики, отъезжающие, наперсточники, таксисты, торговцы, проститутки

Алекс Розенталь, великий ученый, родился в Берлине в 1910 году. В 22 года он стал профессором биологии, а в 26 сделал великое открытие: любое живое существо можно воссоздать заново путем бесполого размножения. Розенталь назвал свой метод дублированием, испытал его на животных и через полтора года получил жизнеспособные дубли крыс и лошадей. В конце 1930-х годов он приступил к дублированию человека, и сам стал первым донором для своих опытов. Но нацисты осудили смелые идеи Розенталя, и штурмовики разгромили его лабораторию. Ученый эмигрировал в Советский Союз, где продолжил свои эксперименты. 7 марта 1940 года в СССР родился первый дубль человека. Партия одобрила идеи дублирования стахановцев. Сталин наградил великого биолога... Но Алекс Розенталь мечтал о другом. Он жаждал воскрешать гениев прошлого.

Действие первое. Картина первая

Сцена 1. Июнь 1975 года. Лаборатория Розенталя

Алекс Розенталь и его соратники-генетики готовятся к дублированию Моцарта. Генный материал, сохранившийся в останках, помещается в лабораторную установку, и генетики с восторгом предвкушают скорое воскрешение великого композитора. Он станет пятым в «созвездьи бессмертных», уже дублированных Розенталем музыкантов: Верди, Чайковского, Вагнера, Мусоргского.

Сцена 2. Июнь 1975 года. Березовая роща возле дома Розенталя

После удачного начала опыта по воскрешению Моцарта Розенталь возвращается к своим «сыновьям»-композиторам. Вагнер встречает его расска-

зом о ночном кошмаре, но Розенталь успокаивает его, напоминая о великом предназначении бессмертного музыканта: «Музыка – пламень небесный! Наука пред ней ничто!». Розенталь сообщает сыновьям о скором рождении Моцарта, дубли в восторженном ожидании.

Картина вторая

Март 1976 года. Дом Розенталя

Все готовятся к торжественной встрече новорожденного Моцарта. Няня вспоминает, как в доме появились другие дубли. Чайковский взволнован – Моцарт всегда был его божеством, а теперь станет младшим братом. Появляется Розенталь с младенцем. Дубли окружают колыбель, вспоминая собственное детство и игрушки, подаренные им на кремлевской елке Сталиным. Розенталь рассказывает о том, как он начал свою работу по воскрешению гениев втайне от руководства СССР, воспоминания ученого прерываются цитатами из партийных директив, посвященных дублированию.

Через сменяющихся партийных лидеров отмечает и течение времени: наступает 1992 год. Розенталь умер, и пятеро дублей-композиторов (Моцарту уже шестнадцать) остро чувствуют свою ненужность и неприкаянность в этом мире.

Действие второе. Картина третья

Зима 1993 года. Москва, Комсомольская площадь

Привокзальная суета: спешат отъезжающие, зазывают пассажиров таксисты, торговцы расхваливают свой товар, причитают бомжи, мошенничают наперсточники, свои услуги предлагают проститутки. Среди пестрой толпы появляются пятеро дублей-композиторов. После смерти Розенталя они зарабатывают себе на жизнь как уличные музыканты. Исполненная ими песня

понравилась вокзальным обитателям, особенно проститутке Тане. Моцарт тронут ее вниманием. Композиторы отправляются в привокзальную столовую, оставляя Моцарта и Таню.

Картина четвертая

Сцена 1. Моцарт и Таня объясняются в любви. С наступлением вечера выходят на работу проститутки, но Таня отказывается занять свое место среди них. Этим недоволен ее хозяин, вокзальный сутенер Кела. Чтобы освободить Таню, Верди предлагает выкуп – золотые часы Розенталя. Верди славит любовь, Моцарт приглашает всех на свадьбу, Кела строит планы мести.

Сцена 2. Вокзальная толпа радостно празднует свадьбу, дубли поздравляют новобрачных. Осталось полчаса до отправления поезда, который увезет Таню и Моцарта с братьями на юг, в солнечный Крым, навстречу беззаботному счастью. По требованию Мусоргского бармен подает бутылку водки – «на посошок». Но в эту бутылку впрыснул яд коварный Кела... Таня, Моцарт, Верди, Мусоргский, Вагнер и Чайковский подносят к губам стаканы. Яд действует неотвратимо, каждый перед смертью вспоминает самые драматические моменты детства. Плакальщицы оплакивают умерших.

Картина пятая

Клиника скорой помощи им. Склифосовского через несколько дней

Моцарт очнулся в больничной палате. Голос объявляет ему, что братья-композиторы и Таня умерли, выжил только он один, имевший иммунитет к яду. Моцарту чудятся тени умерших: Вагнер, Верди, Мусоргский и Чайковский напевают любимые мелодии, Таня грезит о несбывшемся южном счастье. «Вас больше нет. Вы ушли навеки. И я один в этом мире», – произносит Моцарт.

Татьяна Белова

Няня – Ирина Удалова, Чайковский – Максим Пастер, 2005
Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Nanny – Irina Udalova, Tchaikovsky – Maxim Paster, 2005
Photo by Damir Usupov / Bolshoi Theatre

диск 1

Первое действие. Первая картина

Сцена 1

ГОЛОС

Дамы и господа! Просим вас отключить мобильные телефоны. Не забудьте, пожалуйста, сделать то же самое и перед началом второго действия. Мы расскажем вам подлинную историю великого ученого Алекса Розенталя. Он родился в Берлине в 1910 году. В 22 года стал профессором биологии, а в 26 сделал великое открытие: любое живое существо можно воссоздать заново путем бесполого размножения. Розенталь назвал свой метод дублированием, испытал его на животных и через полтора года получил жизнеспособные дубли крыс и лошадей. В конце тридцатых годов он приступил к дублированию человека и сам стал первым донором для своих опытов. Но нацисты осудили смелые идеи Розенталя, и штурмовики разгромили его лабораторию.

Ученый эмигрировал в Советский Союз, где продолжил свои эксперименты. 7 марта 1940 года в СССР родился первый дубль человека. Партия одобрила идеи дублирования стахановцев. Сталин наградил великого биолога... Но Алекс Розенталь мечтал о другом. Он жаждал воскрешать гениев прошлого.

Лаборатория Розенталя. Розенталь готовится к дублированию Моцарта. Генетики в белых халатах помогают ему.

РОЗЕНТАЛЬ

(держит в руке человеческую ключицу и медальон)

Я свершаю то, о чем мечтал,
Что лелеял в сердце своем,
Что стучало в висках
Молотом тяжким правды.
Ибо мозг мой горел,
Мечтою одной.

Воскрешенье богов –
Моя цель, моя страсть,
Моя боль, мой крест.
Верю: несовместны гений и смерть!

ГЕНЕТИКИ
Близка, близка
Победа...

РОЗЕНТАЛЬ, 1-й СОРАТНИК
Верю: несовместны гений и смерть!

ГЕНЕТИКИ
Близка, близка
Победа над смертью!

2-й СОРАТНИК
Верю: несовместны гений и смерть!

РОЗЕНТАЛЬ
Вот ключица великого Моцарта,
Вот его медальон.
Из пасти могилы
Вырвал я
Гения сладкий прах.
Сердце его
Сгнило давно,

Божественный мозг
Распался на атомов рой.
Но кости хранят
Память свою.
Они берегут
Гармонию сна
Исчезнувшей плоти великой!

Сегодня, Моцарт,
Клетки твои
Восстанут из праха
Прошлых лет,
Вольются в лоно
Плоти живой,
Делясь и дробясь,
Делясь и дробясь,
Делясь и дробясь
На миллиарды подобных!

ГЕНЕТИКИ
Тлен отступает!
Смерти престол
Мы сокрушим!

РОЗЕНТАЛЬ
Плоть твою
Будет расти,
В теплой матке
Сладко дремать,
Сил набираясь
В теле упругом
Советской женщины бодрой.
И через десять
Белых лун
Ты разорвешь
Ее ложесна,
И, окровавленный,
Выйдешь на свет,
Мир потрясая своим появлением!

ГЕНЕТИКИ
Тлен отступает!
Смерти престол
Мы сокрушим!

РОЗЕНТАЛЬ, 1-й СОРАТНИК
Верю: несовместны гений и смерть!

2-й СОРАТНИК
Верю: несовместны гений и смерть!

РОЗЕНТАЛЬ
Соратники!
Мы начинаем!

*Опускает ключицу Моцарта в большой
светящийся шар.*

ГОЛОС В РЕПРОДУКТОРЕ
Дублирование индивидуума из взрослых клеток костного мозга донора путем перепрограммирования на нормальное эмбриональное развитие по методу Розенталя.
Выделить клеточную линию.
Провести первичную реконструкцию RM.
Культивировать клетки донора in vitro.
Остановить деление культивируемых клеток на стадии G0.
Пересадить ядра клеток донора в энуклеированные яйцеклетки реципиента-1 на стадии метафазы 2.
ЗаклЮчить реконструированные эмбрионы в агар.
Трансплантировать агар в яйцевод реципиента-2.
Через 12 суток извлечь эмбрионы из яйцевода.

Выживший эмбрион поместить в матку
реципиента-3.

РОЗЕНТАЛЬ
(целует медальон Моцарта)
Wolfgang Amadeus Mozart!
Ты будешь пятым
В созвездьи бессмертных!

ГЕНЕТИКИ
Heiaha! Heiaha!
Клеток слиянье!
Оплодотворенье!

РОЗЕНТАЛЬ, 1-й и 2-й СОРАТНИКИ
Сиять над миром –
Гениев удел!

ГЕНЕТИКИ
Hojotoho! Hojotoho!
Проникновенье
В новую плоть!

РОЗЕНТАЛЬ
Нет для великих смерти!

1-й и 2-й СОРАТНИКИ
Смерти нет для великих!

ГЕНЕТИКИ
Heiaha! Heiaha!
Hojotoho! Hojotoho!
Жизни воскресшей
Страстный порыв!

РОЗЕНТАЛЬ
Расти, о, Моцарт,
Мной возвращенный из бездны!

1-й и 2-й СОРАТНИКИ
Расти, о, Моцарт,
Из бездны им возвращенный!

ГЕНЕТИКИ
Heiaha! Heiaha!
Hojotoho! Hojotoho!

РОЗЕНТАЛЬ, 1-й и 2-й СОРАТНИКИ
Слава Науке,
Смерть победившей!
Слава! Слава! Слава!

ВСЕ
Слава в веках!

Сцена 2

Полнолуние. Березовая роща возле жилых корпусов биологического центра. Дом Розенталя. У окон на березах висят четыре гамака. В них спят дубли: Вагнер, Чайковский, Верди и Мусоргский. Появляется Розенталь с детской колыбелькой в руках. Он ставит ее на землю, трогает рукой. Колыбелька качается. Вагнер вскрикивает во сне и просыпается.

РОЗЕНТАЛЬ
Schlafst du, Wagner, mein Sohn?

ВАГНЕР
Oh, nein! Nein!

РОЗЕНТАЛЬ
Что с тобой?

ВАГНЕР
Ужасный сон!
Все тот же!
Снова лебедь больной мне являлся.

РОЗЕНТАЛЬ
Успокойся, мой Вагнер. Что за лебедь?

ВАГНЕР
В саду сидел я.
День был светел и тих.
Ветви яблонь цветущих
Чуть трепетали.
Сияла лазурь, и солнце
Потоки лучей низвергало
На тихую землю.
Вдруг в синеве
Появился божественный лебедь,
Стал кругами спускаться ко мне.
И скользил, и летел,
Благородные крылья раскинув.
Я, любуясь его красотой,
Замирал и молил,
Чтобы вечно продлился
Полет этот чудный.
Он все ниже спускался,
По ветру скользя,
Становясь все белей и прекрасней.
Вдруг из крыл белоснежных
Брызнули черви!
Словно град, застучали по свежей
листве,

По моей голове, по лицу и рукам!
Лебедь больной спускался с небес,
Криком печальным скорбя о великой
утрате!
В нежной лазури плоть распадалась
его
Так стремительно, так безвозвратно!
Крик его вдруг оборвался.
К ногам моим лебедь упал.

Смерть черным червем
Нависает повсюду:
В саду, и в столовой,
В спальне и в роще любимой моей,
Над прудом заросшим
И над теннисным кортом!

Час пробьет
И град беспощадный
Могильных червей
С неба обрушится!

РОЗЕНТАЛЬ
Не бойся снов!
Бессильны они
Разума пламень погасить.
Mein Wagner, mein Sohn!

Смерти нет для тебя,
Ты бессмертен.
Тлен не коснется тебя.
Как Феникс, из плоти мертвой
Восстанешь ты.

ВАГНЕР
Отец! Страшно мне!
Лица людей пугают меня!

РОЗЕНТАЛЬ
Великой музыки дух
Да укрепит тебя, Вагнер!

ВАГНЕР
Зачем ты воскресил меня, отец?

РОЗЕНТАЛЬ
Для дел великих.
Музыка – пламень небесный!
Что сравнится с ней?
Наука пред ней ничто!

ВАГНЕР
Vater! Ich habe Angst!
Grausig! Grausig! *(рыдает)*

В гамаке просыпается Мусоргский.

МУСОРГСКИЙ
О, черт!
Опять кошмар ночной у Вагнера...

Чайковский и Верди недовольно ворочаются.

ВЕРДИ
Который час?

МУСОРГСКИЙ
Уж полночь давно.
(зевает)
Вот наказание!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ужас!
Опять не спать нам до утра!
(замечает Розенталя)
Отец! Здесь ты?

ВЕРДИ
Что случилось?

РОЗЕНТАЛЬ
Дети, дети мои,
Сегодня – счастливая ночь:
Моцарта мы обрели!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ
Моцарт?
Тот самый?
Тот самый Моцарт?

РОЗЕНТАЛЬ
Великий богоподобный Моцарт
Из бездны мною возвращен.
И через десять лун
Он вновь родится.

ВАГНЕР
Моцарт! Наш брат...
Пятым он будет
В созвездии вашем.

*Розенталя вынимает медальон
Моцарта, кладет в пустую колыбель.
Толкает колыбель рукой. Колыбель
качается. Дубли подходят, обступают
качающуюся колыбель.*

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ, РОЗЕНТАЛЬ

Тихая ночь.
Встали созвездья
У изголовья –
Призрачный свет.

Теплится луч –
Отблеск неяркий
Робко сияет
Белым огнем.

Вечный покой –
Тайна рожденья.
И воплощенье
Светлых надежд.

Синий покров
Плавно опущен.
Мир исчезает,
Бешеный мир.

Юная плоть,
Сердце очнулось
И встрепенулось –
Первый удар.

Новая жизнь –
Час пробужденья
Во искупленье
Вечною сна.

Вторая картина

Веранда дачи Розенталя. Празднично накрытый стол. Над столом два одинаковых портрета Моцарта. Под одним портретом даты: 1756–1791. Под другим одна дата: 1976. Подле второго портрета стоит пустая детская колыбель. Входит няня с букетом свежесрезанных цветов, ставит их в вазу.

НЯНЯ
Охти мне, Господи!
Цветы чуть не забыла я!

Входят три подавальщицы с вином и закусками, ставят их на стол.

НЯНЯ
Торопитесь, девушки,
Торопитесь, милые!
Скоро уж приедут
Родненькие наши!

ПОДАВАЛЬЩИЦЫ
Везут крошку
На лошадке стальной!
По столице,
Да по чистой мостовой!
На стальной лошадке
Крошка сидит,
Во все стороны
Прилежно глядит:
Видит крошка
Столицу Москву,
Видит город наш
Счастливым и родной,
Видит правильных
Советских людей,
Видит Ленина
И Кремль золотой,
Видит партии
Великой дела,
Видит Счастье
Наших солнечных дней!

Входит Чайковский. Он взволнован.

НЯНЯ
Петруша, ты?
Ты...
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня, няня!
(бросается няне на грудь)

НЯНЯ
Голубчик!
Что с тобой?

ЧАЙКОВСКИЙ
Волнуюсь что-то.

НЯНЯ
Трепещет твое сердечко!

ЧАЙКОВСКИЙ
Я брата Моцарта увижу скоро.

НЯНЯ
Так это счастье!
Четвертый братик будет у тебя!
Ты радоваться должен!

ЧАЙКОВСКИЙ
Я радуюсь, но... трепещу ужасно!

НЯНЯ
Пошто трепещешь ты, Петруша?

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петруша!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня, няня!
На Моцарта молился я.
Он богом был.
Моим кумиром,
Бесплотным духом
Музыки святой!
Теперь он – человек!
И в этой колыбели
Кричать и плакать
Будет по ночам!
Ах, Боже мой,

Как сложен мир!
Как страшно в нем
И странно!

НЯНЯ
(обнимает Чайковского)
Петруша, успокойся.
Ты тоже в этой колыбельке
Лежал и плакал.
Что ж с того?
Я всех вас по ночам качала
Да нянчила:
Тебя, улыбу,
Вагнера-крикуху,
Сопелку-Верди,
Мусоргского-плаксу.
Вы все сосали грудь мою.

ЧАЙКОВСКИЙ
Жаль, не хватило
Моцарту-малютке
У нашей няньки молока.

НЯНЯ
Стара, стара я стала, Петя!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петя!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петя!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня!

НЯНЯ
Петя!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, няня
Добрая моя!

*Стоят, обнявшись.
Слышен приближающийся шум, ожив-
ленные голоса людей.*

ЧАЙКОВСКИЙ
Уж едут!

НЯНЯ
Небесная Царица!
Слава Богу!

*Входит Розенталь с младенцем
Моцартом на руках в окружении дублей,
генетиков и прислуги.*

РОЗЕНТАЛЬ
Друзья!
Сегодня
На земле
Родился Моцарт!

ВСЕ
Слава великому Розенталю!

НЯНЯ
Тише!
Испугаете младенца!

ВСЕ
Тише! Тише!..

(тихо)
Слава великому Розенталю!

*Няня забирает Моцарта у Розенталя,
баюкая, укладывает в колыбель, качает.
Все окружают колыбель.*

ВЕРДИ
Bello bambino!
Как сладко он спит!

ЧАЙКОВСКИЙ
Какой он беззащитный.

ВАГНЕР
Все дети таковы.

МУСОРГСКИЙ
И я когда-то был таким же.

ВЕРДИ
Он самый младший среди нас!
Вот если б стал веселым самым!

ЧАЙКОВСКИЙ
Как умилительно дитя!
Ах, я себя таким не помню!

РОЗЕНТАЛЬ
Зато мы с няней помним каждого
из вас.
(обнимает няню)

МУСОРГСКИЙ
А помнишь, папа,
Как встречали Верди?
Седьмого мая?
Я был ребенком тогда!

ЧАЙКОВСКИЙ
Меня в тот день ужалила оса!

ВАГНЕР
А Мусоргского привезли зимой.
С Чайковским мы учились
В пятом классе...

ЧАЙКОВСКИЙ
Мороз тогда стоял трескучий!
Младенец был закутан
В одеяла.

НЯНЯ
Внесла его я, как кочан капусты!
А он – возьми да обмочи

Наскрозь три одеяла кряду!
*Все смеются. Няня прикладывает палец
к губам. Обнимает Вагнера и Чайков-
ского.*

А вас родили за год до войны.
Тогда была я молодая.

ЧАЙКОВСКИЙ
На всех хватало молока...
Но где игрушки наши,
Которые нам Сталин подарил?
Вот Моцарту бы в них играть!

РОЗЕНТАЛЬ
Живы по сей день.

*Открывается шкаф. На сцену выходят
Плюшевый мишка, Оловянный солдатик
и Балерина. Игрушки танцуют.*

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, прелесть!

ВАГНЕР
Das ist fantastisch!
На елке во дворце Кремлевском
Сталин подарил их нам.

РОЗЕНТАЛЬ
Вы помните тот вечер?
Тот вечер...

ЧАЙКОВСКИЙ
Я помню только песенку детей.
Эх, хорошо в стране советской жить...
Нет, не так!

Эх, хорошо в стране советской жить,
Эх, хорошо страной любимым быть,
Эх, хорошо стране полезным быть,
Красный галстук с гордостью носить,
Да, носить!

РОЗЕНТАЛЬ
Mein Gott,
О, эта песня...

ВАГНЕР
Что с тобой, отец?

РОЗЕНТАЛЬ
Когда я третий орден получил
И Сталин пригласил нас в Кремль
На новогодний карнавальный праздник,
Я вас представил как своих детей.
Не знал он, кто вы,
Не знал...

ЧАЙКОВСКИЙ
Ты воскресил нас тайно?

РОЗЕНТАЛЬ
Да.
Я должен был работать
Над программой
Дублирования масс
И воскрешать стахановцев суровых.
Но вы дороже миллионов дублей.
Они – обычные, земные.
Вы – избранные,
Вы – неба дети.

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ
Мы – избранные,
Мы – неба дети...

РОЗЕНТАЛЬ
Я воскресил вас тайно,
Против воли
Великого вождя.

*Возникает изображение Сталина,
выступающего на партийном съезде.*

СТАЛИН
Товарищи, нужно ли нам воскрешать
писателей, ученых, композиторов
и философов прошлого? Я думаю, что
не нужно. Потому что они уже сказали
свое слово. А нам с вами надо думать
о будущем. Нам нужны наши, советские
писатели, ученые и композиторы.
Метод дублирования – не игрушка,
а инструмент. И необходимо правильно
использовать этот инструмент. Чтобы
дублирование служило трудовому
народу.

ГЕНЕТИКИ
Трудовому народу,
Трудовому народу,
Трудовому народу,
Трудовому на...

*Возникает изображение Хрущёва,
выступающего с трибуны.*

ХРУЩЁВ
Успехи советского дублирования
заставили многих империалистических
шавок навсегда заткнуться. Мы выра-
стили человека коммунистического
будущего, товарищи!

ГЕНЕТИКИ
Мы вырастили человека,
Мы вырастили человека,
Мы вырастили человека...

*Возникает изображение Брежнева,
выступающего с трибуны.*

БРЕЖНЕВ
Дальнейшее углубление и совершенство-
вание технологии дублирования передо-
виков производства, рационализаторов,
инженеров, тружеников колхозов
и совхозов, партийных и профсоюзных
активистов, защитников Отечества, ком-
сомольских вожаков, работников службы
быта, руководителей министерств

и ведомств, представителей творческой интеллигенции послужит дальнейшему повышению экономического и оборонного могущества нашей Родины, росту благосостояния советских людей.

ГЕНЕТИКИ

Слава резервам роста,
Слава резервам роста,
Слава резервам роста,
Резервам роста – слава!

Возникает изображение Андропова, выступающего с трибуны.

АНДРОПОВ

Необходимо планомерно и последовательно увеличивать темпы дублирования особо отличившихся работников правоохранительных органов и органов государственной безопасности.

ГЕНЕТИКИ

Увеличим темпы,
Увеличим темпы,
Увеличим темпы,
Увеличим!

Возникает изображение Горбачёва на трибуне.

ГОРБАЧЁВ

Товарищи! И теперь по поводу дублирования. Пора партии заявить со всей ответственностью: последние десять, а то и пятнадцать лет мы с вами дублировали совсем не тех, кого надо было дублировать. Пора это дело перестраивать, чистить от плесени застоя. И чистить будем, товарищи, решительно и по-партийному!

ГЕНЕТИКИ

Чистить,
Решительно чистить,
Решительно чистить,
Решительно...

Возникает изображение Ельцина на трибуне.

ЕЛЬЦИН

Я вам честно скажу, что у Российского государства нет денег на дублирование. Это – раз. И два: хватит, понима-

ешь, заниматься нам этой сталинской ерундой!

ГЕНЕТИКИ

Хватит, понимаешь,
Хватит, понимаешь,
Хватит, понимаешь,
Хватит!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, МОЦАРТ,
ВЕРДИ, МУСОРГСКИЙ
Нас не хотели.

РОЗЕНТАЛЬ

Я хотел вас.

ДУБЛИ

О, как я одинок в этом мире!

РОЗЕНТАЛЬ

Дети мои!

Внезапно возникает большой портрет Розенталя в траурной рамке с траурной лентой. Под портретом даты 1910–1992. Звучит траурный марш.

ДУБЛИ

Отец!
Ты ушел.
Навеки!
Станный мир
Окружает нас!
Где наше место
На этой земле?

ГОЛОС

У государства нет денег на ваше содержание.

Второе действие. Третья картина

1993 год. Площадь трех вокзалов в Москве. Люди с поклажей, спешащие к поездам, таксисты и ломщики, ищущие пассажиров, проститутки, наперсточники, побирушки, пьяницы и бомжи; длинные ряды торговцев с рук, продающих еду, одежду, дешевую водку и всякую всячину.

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ

Торопись, торопило,
Торопись, торопило,
Торопиho-торопа,
Торопиho-торопа!

ТАКСИСТЫ

Прокатим да по Москве по матушке!
Прокатим да по Белокаменной!
Не задорого – за тыщу рублей!

БЕЖЕНЕЦ

Подайте беженцу копеечку, Христа ради!

НАПЕРСТОЧНИКИ

Лохотрон, лохотрон!
Круть-верть! Круть-верть!

БОМЖ

Ай, незнамо за что!
Ай, набили мордушку,
Ай, отбили поченьки,
Ай, разбили вдребезги
Ай, четвертинку «Жириновочки»!
Ай, будьте прокляты, ироды!
Ай, будьте прокляты, окаянные!

ПРОСТИТУТКИ

Приголубим бела лебеда,
Приласкаем ясна сокола.
Очи черные, руки нежные,
Губы жаркие, ненасытные!
На быстру любовь тороватые!

ТОРГОВЦЫ

Покупай, люд честной,
Исподнее, нательное,
Казенное, рукодельное,
Съедобное, питейное!

**ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ, ТАКСИСТЫ,
БЕЖЕНЕЦ, НАПЕРСТОЧНИКИ, БОМЖ**

Торопись, торопило *etc*
Прокатим да по Москве по матушке *etc*
Подайте беженцу копеечку, Христа ради!
Лохотрон, лохотрон *etc*
Ай, незнамо за что
Ай, набили мордушку *etc*

На середину площади выходят пять дублей: Вагнер с тубой, Чайковский с кларнетом, Моцарт с флейтой, Верди с арфой и Мусоргский с большим барабаном.

ЧАЙКОВСКИЙ, МУСОРГСКИЙ

Господа и дамочки!

МОЦАРТ, ВЕРДИ
Друзья да товарищи!

ЧАЙКОВСКИЙ, МУСОРГСКИЙ

Граждане московские да российские!

ВАГНЕР, МОЦАРТ

Побродяги да бомжи бездомные!

ВЕРДИ, МУСОРГСКИЙ

Непорочные девушки и матери!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, МУСОРГСКИЙ

Не угодно ли вам прослушати ...

МОЦАРТ, ВЕРДИ, МУСОРГСКИЙ

... необычное выступление?

ТАНЯ, БЕЖЕНЕЦ, ТОРГОВКА,**ПРОВОДНИК, БОМЖ**

Что поете вы, люди добрые?

ДУБЛИ

То, что сами, друзья, закажете!

ТОРГОВКА

Заиграйте плясовую, молодцы!

ПРОВОДНИК

Лучше спойте мне песню попутную...

ТОРГОВКА

Эх, пошли плясать мои ноженьки!

ПРОВОДНИК

...про вагон голубой с Чебурашкой.

БОМЖ

А, быть может, что-нибудь классическое?

ТАНЯ

Для души мне спойте, ребяташки!

БЕЖЕНЕЦ

Про Христа-младенца с Богородицей!

МУСОРГСКИЙ

Будет сделано, товарищи!

*Мусоргский взмахивает колотушкой.
Дубли как бы играют на своих музыкальных инструментах.*

МУСОРГСКИЙ

Как во славном городе,
Во Москве-столице
Три бездомных пса
Шли воды напиться
Во полуденный час.

Один – белый пес.

Другой – черный пес.

Третий – красный пес.

На Москву-реку пришли,
Место тихое нашли
Во полуденный час.

Стал пить белый пес –
Побелела вода.

Стал пить черный пес –
Почернела вода.

Стал пить красный пес –
Покраснела вода.

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, МОЦАРТ,
ВЕРДИ

Потряслась земля!
Солнце скрылося!
Место лобное развалилося!
Развалилося, разломилося,
Теплой кровушкой окропилося!

МУСОРГСКИЙ

А с небес глас громовый послышался:
«Тот, кто был палачом – станет жертвою!»

Час грядет

Воздаянья великого!»

Слушатели аплодируют дублям.

ВАГНЕР, МУСОРГСКИЙ

Кому не жалко копейки –
Мечи сюда!

*Вагнер и Мусоргский с шапкой обходят
площадь. В шапку сыплются монеты.
Торговцы и таксисты запевают украинскую песню. Моцарт подходит к Тане.*

ТОРГОВЦЫ, ТАКСИСТЫ

Ой, піду я в ліс по дрова,
Назбираю лому.
Завів мене,
Завів мене чужий розум
На чужу сторону.

А на чужій сторононьці
Ні батька, ні неньки,
Тільки в саду,
Тільки в саду вишневому
Співа соловейко...

ТАНЯ

Спасибо, сокол залетный,
Спасибо, друг мой любезный!

МОЦАРТ

Да неужто понравилось?

ТАНЯ

Ой, понравилось, не совру тебе.
Чисто поете вы, лихо играете!

ТОРГОВЦЫ, ТАКСИСТЫ

Співай, співай, соловейко,
Всіма голосами,
А я піду,
А я піду в сад вишневий
Заллюся сльозами...

ТАНЯ

Растревожили мою душеньку,
Размочалили сердце каменное!
Все трясутся поджилочки,
Да колени дрожат.
А в груди стучит, словно молотом!

МОЦАРТ

А как звать тебя, чернобровая?

ТАНЯ
Татьяной.

МОЦАРТ
А меня кличут Моцартом.

ТАНЯ
Ну и прозвище!
Сам придумал ты?

МОЦАРТ
Нет, то сказка уж старая...

ТОРГОВЦЫ, ТАКСИСТЫ
Ой, зірву я з рожі квитку
Та й пушу на воду:
«Пливи, пливи,
Пливи, пливи,
З рожі квитка,
Аж до мого роду».

ВАГНЕР (*считает деньги*)
Маловато нам голь отвалила...
В переходе на Тверской
Поболе кидают.

МУСОРГСКИЙ
Полно, брат, жабу-то давить!
Бабла довольно выпить и откушать.
Айда скорей в тошниловку, друзья!

ТОРГОВЦЫ, ТАКСИСТЫ
Плила, плила з рожі квитка
Та й на воді стала.
Вийшла мати,
Вийшла мати
Воду брати –
По квитці впізнала.

ВАГНЕР
Mein Gott, как этот город
Не люблю я.
Нелепых понастроили домов...

МУСОРГСКИЙ
Здесь денег –
Просто куры не клюют.
А водки столько,
Что не выпьет вся Европа!
Ох, видит Бог,
Напьемся мы сегодня!

МОЦАРТ (*берет Таню за руку*)
Татьяна, ты...
Пойдешь с нами?

ТАНЯ
Может и пойду.

МУСОРГСКИЙ
Храни тебя Господь, девица!
Ну что ж, теперь не грех и выпить.
Айда в кабак, друзья!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ
А пойдем во кабак,
Разгуляемся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!

А пойдем во кабак,
Распояшемся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!

ХОР
Ой!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ
А пойдем во кабак,
Разбахвалимся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!
А пойдем во кабак,
Распихаемся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!

ХОР
Ой!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ
А пойдем во кабак,
Расцелуемся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!

А пойдем во кабак,
Распечалимся!
Ой, ой, ой, ой,
Ахти ж ли, ахти ж ли!

ВАГНЕР, ЧАЙКОВСКИЙ, ВЕРДИ,
МУСОРГСКИЙ, ХОР
Ой!

*Вагнер, Чайковский, Верди, Мусоргский
и вся толпа уходят. Моцарт и Таня
остаются одни.*

Четвертая картина

Сцена 1

Таня и Моцарт смотрят друг на друга.

МОЦАРТ
Татьяна,
Скорее дай мне руку.
Как хорошо с тобою рядом!

ТАТЬЯНА
(протягивает руку Моцарту)
Моцарт,
Ты меня пьянишь...

МОЦАРТ
Татьяна!
Готов без счета повторять
Имя прелестное твое:
Татьяна!

ТАТЬЯНА
Моцарт!

МОЦАРТ
Татьяна!

ТАТЬЯНА
Моцарт!

МОЦАРТ
Прекрасна ты, дитя вокзалов!
Огонь очей твоих горяч,
Огонь очей твоих...
Когда тебя в толпе увидел,
Небесный гром сразил меня
И в сердце молния попала!

ТАНЯ
Меня волнует голос твой,
И сердце бьется, словно птица,
Сердце бьется...
Когда я слушала тебя,
Я замирала, как дитя –
Ты пел так чисто, благородно!

МОЦАРТ
Татьяна, быть с тобой хочу,
Тебя ласкать и защищать!

ТАНЯ
О, Моцарт, вся дрожу я...
Не понимаю, что со мной...

МОЦАРТ
Готов без счета повторять...
Я имя дивное твое –
Татьяна! Татьяна!

ТАНЯ
О, Моцарт!
О, ты меня пьянишь,
Скорее дай мне руку,
Дай мне, руку мне дай!

МОЦАРТ
Как хорошо!
С тобою рядом быть хочу,
Моя Татьяна!

ТАНЯ
Как хорошо!
С тобою рядом быть хочу,
Мой милый...

МОЦАРТ
Во мне любовь сейчас проснулась,
Дремала столько лет
Она во мне; дремала,
Как бабочка в скорлупке темной!
Но треснул панцирь, и летит
Любовь моя тебе навстречу!
Но треснул панцирь, и летит
Моя любовь к тебе навстречу!

ТАНЯ
Давно ждала я перемен,
Мечтала я, мечтала я
О страсти нежной.
Сегодня словно теплый ветер
Ворвался в жизнь мою, играя,
Развеял прошлого руины!
Ворвался ветер, и летит
Моя любовь к тебе навстречу!

МОЦАРТ, ТАНЯ
Моя любовь,
Моя любовь к тебе навстречу летит,
Моя любовь к тебе летит!

ПРОСТИТУТКИ *(за сценой; приближаясь)*

Пора, подруга, пора!
Ночь зажигает огни!
Кипят три вокзала,
Ждут три вокзала
Нашего мяса! Пора!

ТАТЬЯНА

Подите прочь!

ПРОСТИТУТКИ *(на сцене)*

Пора, подруга, пора!
Манит, сверкает бабло!
Кипят три вокзала,
Ждут три вокзала
Нашего мяса!
Пора!

ТАТЬЯНА

Прочь! Прочь!
Прочь от меня!
Нет возврата назад!
Души спасает любовь!
Прошлого стыд,
Прошлого мрак –
Все побеждает любовь!

ПРОСТИТУТКИ

Она не с нами!
Она изменила!

КЕЛА *(появляясь на сцене)*
Что за шум?

ПРОСТИТУТКИ

Она не с нами!
Она изменила!

КЕЛА

Кто? Танька?
Ну, блин,
Ща попляшешь у меня!
Танька, знай свое дело!
Мясо твое
Ждут три вокзала!

ПРОСТИТУТКИ

Кипят три вокзала,
Ждут три вокзала
Нашего мяса. Пора!

ТАНЯ

Прочь! Прочь!

ТАНЯ

Прочь от меня,
Нет возврата назад!
Души спасает любовь!
Прошлого стыд,
Прошлого мрак –
Все побеждает любовь!

МОЦАРТ

Прочь, негодяй!

КЕЛА

Ты кто такой?

МОЦАРТ

Я люблю ее!

КЕЛА *(хохочет)*

Люблю! Глупец!
Она – проститутка!
Эй, проститутка, знай свое дело!

ПРОСТИТУТКИ

Вернись, проститутка,
Вернись, вернись!

ТАНЯ

Нет!

КЕЛА

Танька, знай свое дело!

МОЦАРТ

Прочь, негодяй!

КЕЛА

Молчи, синяк!

Появляется Верди.

ВЕРДИ

Стойте! Fratello mio!
(отталкивает Келу. Кела падает)
Che cosa?

МОЦАРТ *(обняв Таню)*

Я люблю ее.

ТАНЯ

Я люблю его.

ВЕРДИ
Кто смеет
неволишь любовь?

КЕЛА
Она моя.
Она должна мне заплатить.
А если не заплатит,
Ее и вас поставят на ножи.

ПРОСТИТУТКИ
Она должна платить,
Она должна платить,
Должна платить, платить,
Должна платить!

ВЕРДИ
*(разрывает подкладку куртки, достает
золотые часы)*
Часы отца
Двенадцать лет берег я.
Но за любовь, но за любовь
Отдать ничто не жалко.
(кидает часы Келе. Тот ловит.)
Возьми скорее
И убирайся прочь!

*Кела уходит. Таня и Моцарт радостно
обнимаются.*

ПРОСТИТУТКИ
Свободна! Свободна!
Свободна! Свободна!

ВЕРДИ
Будьте счастливы,
Дети мои!
(соединяет руки Моцарта и Тани)

ПРОСТИТУТКИ
Свободна! Свободна!

ВЕРДИ *(поет, сопровождая себя
на арфе)*
L'amor è libero
e impetuoso,
l'amor è santo
e meraviglioso.
aleggia dove vuol
in chiunque può albergar
comparir può all'improvviso
e all'improvviso dileguar!

L'augel sul mare
è l'amore!

ПРОСТИТУТКИ
è l'amore, l'amore!

ВЕРДИ
Il sol nel cielo
è l'amore!

ПРОСТИТУТКИ
è l'amore, l'amore!

ВЕРДИ
Il vento libero
è l'amore!

ПРОСТИТУТКИ
è l'amore, l'amore!
Il ciel stellato sovra noi,

ВЕРДИ
è l'amore!

ПРОСТИТУТКИ
L'amore, l'amore, l'amore!

ВЕРДИ
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
salve il mondo!

ПРОСТИТУТКИ
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
salve il mondo!

МОЦАРТ
Я всех зову
На нашу свадьбу!

ТАНЯ
Будем навеки с тобой!

МОЦАРТ
Все приходите!
Всех угощаю!

ТАНЯ
Все побеждает любовь!

ВЕРДИ, ПРОСТИТУТКИ, ТАНЯ, МОЦАРТ
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
salve il mondo!

*Все уходят.
Сцена пуста.*

Появляется Кела.

КЕЛА
Проклятье!
Лох увел ее!
Ах, стерва Танька, стерва Танька!
Предала!
Тебя я поднял из отбросов,
Одел прилично, в дело взял
И научил рубить бабло,
А ты?
Паскуда подлая, паскуда,
Паскуда подлая!
Ну, что ж,
Недолго свадьбка продлится!
Пеняй, оторва, на себя!

Сцена 2

За сценой оживление, гул приближающейся толпы.

На сцену выбегают дубли, Таня, гости – проститутки, торговцы, таксисты, Бомж, Беженец, в общем, почти все многочисленные персонажи третьей картины. Все танцуют. Дубли поздравляют новобрачных.

МУСОРГСКИЙ
Эх, славно!
Вот так праздник!

ВЕРДИ
Bello! Bello!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, Моцарт, как прекрасно!
Правда, Вагнер? Опять ты хмуришься!

ВАГНЕР
Мне жаль, что Моцарт
Нас покинет скоро.

МОЦАРТ
О нет, я не покину вас!
Мы все уедем вместе!

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, неужели из Москвы жестокой
Уехать нам удастся?

ВАГНЕР
Не верю, не верю, не верю!

ТАНЯ
В Крыму, в Ливадии чудесной
Живет старушка мать моя.
В ее лачуге неказистой,
Поверьте, места хватит всем.

Уедем мы с тобой
В далекий теплый Крым.
Там море Черное
И небо голубое,
Там чайки белые
И синий виноград,
И люди сонные,
И быстрые дельфины,
На тихом берегу
Ливадии ночной...

МОЦАРТ
Уедем мы с тобой...

ТАНЯ
Уедем мы с тобой...

МОЦАРТ
В далекий теплый Крым.

ТАНЯ
В далекий теплый Крым.

ТАНЯ, МОЦАРТ
На тихом берегу
Мы будем жарить мидий
И запивать их
Розовым вином.

МОЦАРТ
И страстно целоваться
До рассвета,
И время остановится для нас...

ТАНЯ, МОЦАРТ
И счастье наше будет длиться вечно,
И счастье наше будет длиться вечно,
Наше счастье будет длиться вечно,

Наше счастье будет длиться...
Будет вечно длиться наше счастье!

ВСЕ
Viva! Viva! Viva! (*танцы возобновляются*)

МОЦАРТ (*достает из кармана железно-дорожные билеты*)
Друзья, уж полночь!
В ноль тридцать
С Курского вокзала
Отходит поезд наш.
Пора!

МУСОРГСКИЙ
Постой-ка, брат Моцарт!
Не по-русски уходить без «посошка»!
Давайте по последней выпьем
И тронемся на Курский.
Эй, человек!
Подай-ка водки
Самой наилучшей!

*Пока бармен выбирает водку, Кела
впрыскивает шприцем яд в бутылку
«Абсолюта».*

КЕЛА
Вам будет легко этот «посошок»!

*Бармен передает бутылку «Абсолюта»
Мусоргскому, тот наполняет шесть
стаканов.*

МУСОРГСКИЙ
За новую жизнь!

ТАНЯ
Нет возврата назад!

ВЕРДИ
Viva l'amore!

*Шестеро медленно подносят стаканы
к губам, выпивают водку.*

ВАГНЕР
Как жаль, что наш отец не дожил...

ТАНЯ
Отец...

МОЦАРТ
Что с тобой?

ТАНЯ
Не знаю...
Что-то мне не по себе.
Отец... мой отец...

МОЦАРТ
Ах, что с тобой?
Ты побледнела!
Таня! Любимая!

ТАНЯ
Отец... мой отец...
Он... он... бросил нас!
Он бил мою мать!
А твой... твой отец?

МОЦАРТ
Мой? Наш?
Что-то кружится голова...

ВАГНЕР
Где мой самокат?
Где мой самокат?
Нянька украла самокат!
Нянька украла...

Где мой самокат?
Где мой самокат?
Нянька украла самокат!
Schweine!

МУСОРГСКИЙ
Папа, опять плохой сон!
Черный жук,
Черный жук!

ЧАЙКОВСКИЙ
Папа, я задыхаюсь,
Задыхаюсь...
Удали мне гланды, папа!

МОЦАРТ
Братья!
Таня...
Отец! Согрей меня!

ТАНЯ
Мама, мама,
Я больше не буду.
Мама, прости меня!

ВАГНЕР
Где мой самокат?

Где мой самокат?
Нянька украла самокат!
Нянька украла...
Где мой самокат?
Где мой самокат?
Папа, купи мне самокат,
Папа, купи мне... Ааа!!!

Смятение и тревога в толпе.

ТАНЯ
Мама, мама,
Я больше не буду...
Мама, прости меня... *(умирает)*

ВАГНЕР
Папа, купи мне самокат,
Папа, купи мне самокат,
Папа, купи мне самокат... *(умирает)*

ЧАЙКОВСКИЙ
Папа, я задыхаюсь, задыхаюсь...
Удали мне гланды, папа... *(умирает)*

МОЦАРТ
Папа, согрей меня!
Папа, согрей меня!
Папа, согрей меня! *(умирает)*

МУСОРГСКИЙ
Папа, черный жук, черный жук!..
Папа, черный жук, черный жук!..
Папа, папа, папа... *(умирает)*

ВЕРДИ *(кричит)*
Но paura!
Cranio! Cranio! *(умирает)*

К неподвижно лежащим на земле дублям и Тане приближаются Плакальщицы, причитают по умершим.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ
У сухого деревца
Нету отрастеньица,
Не выходят выходцы
С того свету,
Не выносят весточек.

Спят-приспят
Сиротинушки
Горемычные.

Ой, ты доля горькая сиротская!
Некому пролить горячи слезыньки,
Некому помянуть сиротинушек,
Некому молиться за убоженьких.

Пятая картина

*Сдержанный свет. На пустой сцене –
большичная койка. На ней лежит
Моцарт. Он поднимает голову, садится.*

МОЦАРТ
Где я?

ГОЛОС
В институте скорой помощи имени
Склифосовского.

МОЦАРТ
Что со мной?

ГОЛОС
Ты жив. Хотя должен был умереть,

МОЦАРТ
Умереть...

ГОЛОС
...потому что в водке был крысиный яд.

МОЦАРТ
Крысиный яд...

ГОЛОС
200 лет назад тебя отравили ртутью.
И ты умер, так и не дописав свой
Реквием.

МОЦАРТ
Кто отравил меня?

ГОЛОС
Жена и ее любовник. Четыре месяца
она подмешивала тебе ртуть в пищу.
Тогда ты умер от почечной недостаточ-
ности. Сейчас сутенер Кела дал тебе яд,
формула которого содержит хлорис-
тую ртуть. Но твои гены сохранили
иммунитет. Потому что тогда организм
твой боролся со ртутью смертельной.
И теперь ты выжил. Один.

МОЦАРТ
А...Таня?

ГОЛОС
Умерла.

МОЦАРТ
А...братья?

ГОЛОС
Умерли.

МОЦАРТ
Нет.

ГОЛОС
Да.

МОЦАРТ
Нет. Нет. Нет. *(рыдает)*

Тени и голоса умерших.

ГОЛОС ВАГНЕРА
В синеве появился
Божественный лебедь,
Стал кругами спускаться ко мне.
И скользил и летел,
Благородные крылья раскинув.
Он все ниже спускался,
По ветру скользя,
Становясь все белей и прекрасней.
Я, любуясь его красотой,
Замирал и молил...

ГОЛОС ЧАЙКОВСКОГО
Ах, Боже мой! Как сложен мир!
Как страшно в нем и странно!
Ах, няня! Ах, няня, няня!
Как сложен мир!
Эх, хорошо в стране советской жить,
Эх, хорошо страной любимым быть...
...Красный галстук...

ГОЛОС МУСОРГСКОГО
Тот, кто был палачом –
Станет жертвою.
Час грядет
Воздаянья великого,
Час пробьет
Воздаянья...

ГОЛОС ВЕРДИ
L'amor è libero e impetuoso,
L'amor è santo e meraviglioso...
Aleggia...

ГОЛОС ТАНИ
На тихом берегу
Мы будем жарить мидий...

ТАНЯ, МОЦАРТ
И запивать их
Розовым вином...

МОЦАРТ
И страстно целоваться
До рассвета,
И время остановится для нас...

ТАНЯ, МОЦАРТ
И наше счастье будет длиться вечно...

ТАНЯ
Вечно...
Вечно...
Вечно...

ВАГНЕР
Божественный лебедь,
Божественный лебедь,
Лебедь...

ЧАЙКОВСКИЙ
Ах, Боже мой!
Боже мой,
Боже мой!

МУСОРГСКИЙ
Час пробьет,
Час пробьет,
Час пробьет...

ВЕРДИ
Viva l'amore,
Viva l'amore,
L'amore...

МОЦАРТ
Нет! Вас больше нет.
Вы ушли
Навеки.
И я один
В этом мире.

*В руках у Моцарта оказывается
флейта. Он пытается играть на ней.*

Слева направо: Владимир Сорокин, Леонид Десятников, Александр Ведерников на репетиции в Большом театре, 2005
Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Left to right: Vladimir Sorokin, Leonid Desyatnikov and Alexander Vedernikov at a rehearsal at the Bolshoi Theatre, 2005.
Photo by Damir Usupov / Bolshoi Theatre

there were five of them

In 2005, Wagner, Tchaikovsky, Mussorgsky, Verdi and Mozart, five classical composers and the great creators of the operatic canon, not only became faces from a textbook theatre repertoire but also characters of Leonid Desyatnikov's opera *The Children of Rosenthal* dedicated to operatic art, its details, myths, nicety of the history of the genre and peculiarities of its perception.

A fantastic libretto written by Vladimir Sorokin is not a story about the real composers, who were bearers of both an individual style and the styles of the past ages. It's about their doubles artificially created by some Dr Rosenthal (the story begins in the 1930s when the word "clone" was not yet to be invented). However, the musical texture of the opera creates the presence effect by means of complex artistic devices, and real prototypes of the characters of this story emerge on stage.

Their own voices and the others' musical speeches, imaginary adoptions and volatile allusions, an unmistakably recognizable manner of every one of them – all of them are intertwined in Desyatnikov's music so closely that one may have the impression of an unobtrusive game, slight pretence, a sense of inconclusiveness and unsteadiness. The listener waits for a citation trying to catch it in the finely encrusted sound, but the flickering changeable shadows are almost always deceptive. *The Children of Rosenthal* lacks any direct citations in the first place, while each of its five tableaux is a musical portrait of one of the composers who were heroes of cultural mythology of their time (therefore, the traces of Rimsky-Korsakov's music in the tableau dedicated to Mussorgsky are understandable and appropriate). In fact, these are five real small operas composed by the fictitious doubles, and the voice of composer Desyatnikov is a voice of each of them. Five imaginary works turned into the reality of the score.

As strange as it may seem, direct citations are actually rare guests in Desyatnikov's music. Its unique world is founded on free reconstruction of token artistic styles and

images with their distinctive intonations, peculiar timbres, unique rhythmic structures and details of instrumentation.

According to the composer's definition, *The Children of Rosenthal* is a declaration of love for opera as a genre, but it isn't that difficult to hear that the composer's feeling is not reckless. Rather, it is expressed in the composer's analytically intent, cautious and careful, both intellectually and emotionally, attitude to the musical material.

An internally intricate artistic concept is pinned on impeccable musical logic that is based on five imaginary stylizations (ideas of styles not styles!), an orderly but freely interpreted tonal plan of the episodes that follows the contours of the Papageno motif (it is hardly heard, though), and flexible dramatics of the operatic forms that creates a parallel libretto but with a closely connected plot. A ravishing *love duet*, a touching *lyrical dialogue*, an *avenge aria*, a *Wagnerian monologue*, a quick *genre scene*, a *Russian song* (it seems that in the part of Mussorgsky, no sooner had Varlaam's first song begun than it turned into the second one); a massive chorus that tells us not only about the events in the opera but also about itself (so, *Viva l'amore* is an idea and effect of a Verdian choral dramatic knot); fancifully detailed ensembles, including the refined quintet-lullaby *Quiet Night. Constellations Have Risen*, that follows the traces of Wagner's *Parsifal*, and *Waitresses' Song* (as if accidentally associated with Tchaikovsky's *Pretty Maidens*) – they all lead the listener through a complicated story of the characters and, at the same time, through the world of operatic reminiscences and feelings as if guiding him around. Signs of the orchestration are other guides. Unlike it's usually the case with operas, it is sophisticated and transparent – these are phrases, sings and scraps of the tradition that are stuck in our cultural memory and sewn into one whole texture: it can be a flute melody accompanied with the brass instruments and timpani that leads us to Mozart in a roundabout way, or the bass drum and cymbals that sound like one instrument – a recognizable Verdian device.

The composer attentively listens to the past of music in the sense that it appears in the present. Using at times half-forgotten trifles or cornerstones of the past as *objets trouvés* (found objects), hiding them in fabric folds without putting them up for show, but only sometimes enticing us with the simplicity of their trite expressiveness (as, for instance, he does with Wagner who appears with the Wagner tuba), he recomposes the past, thus creating a fragile present.

A clever structure of the opera about opera is combined here with the illusion of operatic simple-mindedness: *The Children of Rosenthal* is a fairy-tale opera almost with a moral. Similar to baroque, it's full of magic and amazing adventures that normally unfold around love or a conflict between good and evil. It is also a drama opera with a romantically painful and hopelessly tragic finale. And it's also a mystery opera and a farce opera. The composer is interested in different genre models to the extent when they are able to speak with a modern listener not only about opera but also about his own expectations, addictions and weaknesses. And of course about him in terms of his relationships with the past and present as it's the way of operatic art in general. *The Children of Rosenthal* is a contemporary opera with a sense that the contemporaries may find poignant and that leaves no room for the idea of imitation. Its complicated system of allusions and mystifications like no other proves to be able to speak with today's listener in a frank manner, giving him, the one who is in love with Atlantis of the tradition, a chance for a sincere dialogue and acute empathy. It's no wonder that this operatic work of the post-Soviet period, the only one commissioned and finely performed by the Bolshoi Theatre, became not just a notable cultural event and started a controversy at the time of its premiere, and even, as a significant thing should, a scandal (its causes had nothing to do with music), but also one of the principal scores of the world's operatic art that speaks with us about opera and ourselves in an offbeat tone.

Алекс Розенталь – Петр Мигунов (в центре),
Второй соратник Розенталя – Александр Короткий (слева),
Первый соратник Розенталя – Оганес Георгиян (справа), 2005
Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Alex Rosenthal – Pyotr Migunov (centre),
Rosenthal's Second Colleague – Alexander Korotkiy (left),
Rosenthal's First Colleague – Oganes Georgiyanyan (right), 2005
Photo by Damir Yusupov / Bolshoi Theatre

Alex Rosenthal, scientist – Pyotr Migunov, *bass*

The Duplicates:

Wagner – Elena Manistina, *mezzo-soprano*

Tchaikovsky – Maxim Paster, *tenor*

Mozart – Vsevolod Grivnov, *tenor*

Verdi – Vassily Ladyuk, *baritone*

Mussorgsky – Alexander Teliga, *bass*

Tanya, a prostitute – Kristina Mkhitaryan, *soprano*

Nanny – Irina Rubtsova, *soprano*

Kela, a pimp – Boris Statsenko, *baritone*

Rosenthal's first colleague – Pavel Valuzhin, *tenor*

Rosenthal's second colleague – Daniil Chesnokov, *bass-profundo*

First maid – Ruslana Koval, *soprano*

Second maid – Ekaterina Morozova, *soprano*

Third maid – Victoria Shilovskaya, *mezzo-soprano*

Refugee – Ekaterina Morozova, *soprano*

Homeless man – Alexander Maly-Kozikhinsky, *baritone*

Female street vendor – Irina Rubtsova, *soprano*

Sleeping car attendant – Maxim Paster, *tenor*

Mourners: Olga Yukecheva, *soprano*; Maria Nefedova, *mezzo-soprano*

Voice – Ilya Romashko

Dancing toys: **Ballerina, Tin Soldier, Teddy Bear**

Geneticists, departing passengers, card-sharps, taxi-drivers, street vendors, prostitutes

Alex Rosenthal, a great scientist, was born in Berlin in 1910. He became a biology professor at 22 and made a great discovery at 26: any living being can be reproduced by asexual reproduction. Rosenthal named his method "duplication," tested it on animals and in 18 months got viable doubles of rats and horses. In the late 1930s, he began to duplicate a human and was the first donor for his experiments. However, the Nazis condemned Rosenthal's bold ideas and his laboratory was destroyed by storm troopers. The scientist fled to the Soviet Union where he continued his experiments. On 7 March 1940, the first human double was born. The Communist Party approved of his ideas of duplication of Stakhanovites. Stalin awarded the great biologist... But Alex Rosenthal dreamt of something else. He craved for revival of geniuses of the past.

Act 1. Tableau 1

Scene 1. June 1975. Rosenthal's Laboratory

Alex Rosenthal and his geneticists colleagues are getting prepared to duplicate Mozart. The genetic material preserved in the remains is placed into a lab installation, and the geneticists are delighted with anticipation of the great composer's soon revival. He will be the fifth in the "constellation of the immortal" musicians already duplicated by Rosenthal – Verdi, Tchaikovsky, Wagner and Mussorgsky.

Scene 2. June 1975. The Birch Grove Near Rosenthal's House

After a successful beginning of the experiment of Mozart's revival, Rosenthal returns to the composers who he calls "sons." Wagner meets him with a story of a nightmare, but Rosenthal soothes him reminding the great desti-

nation of the immortal musician: *"Music is heavenly flame! Science is nothing compared to it!"* Rosenthal tells the sons that Mozart is about to be revived. The doubles anticipate his appearance.

Tableau 2

March 1976. Rosenthal's House

Everyone is getting ready to meet newly born Mozart. The Nanny recollects how the other doubles appeared in the house. Tchaikovsky is thrilled because Mozart has always been his idol, and now he will be his younger brother. Rosenthal enters with a baby boy. The doubles surround the cradle remembering their childhood and toys Stalin gave them at a new-year show in the Kremlin. Rosenthal tells how he began his work on revival of geniuses in secret from the Soviet leadership. The scientist's reminiscences are interrupted with quotations from the party directives on duplication.

A train of coming and going party leaders also signifies the flow of time: 1976 turns into 1992. Rosenthal is dead, and the five doubles (Mozart is already sixteen) have an acute feeling of their uselessness and misery in this world.

Act 2. Tableau 3

Winter of 1993. Moscow, Komsomolskaya Square

Fuss near the railway station: the departing ones are in a hurry, the taxi drivers call in the passengers, tradespeople shower praise on their goods, the homeless people lament, thimblerriggers cheat and the prostitutes offer their services. The five duplicated composers appear amidst the crowd. After Rosenthal's passing, they make their living as street musicians. The inhabitants of the railway station, especially prostitute named Tanya, like the song they have just performed. Tanya is touched by Mozart's attention. The composers go to the station cafeteria leaving Mozart and Tanya.

Tableau 4

Scene 1. Mozart and Tanya make their declarations of love. When the evening comes, the prostitutes turn up for work, but Tanya refuses to be among them. Kela, a station pimp, is displeased. To set Tanya free, Verdi offers a ransom – Rosenthal's gold watch. Verdi glorifies love, Mozart invites everyone to the wedding, and Kela schemes to take vengeance.

Scene 2. The station crowd joyfully celebrates the wedding, and the doubles congratulate the newlyweds. Only thirty minutes are left before the departure of the train that will take Tanya, Mozart and his brothers to the south, to the sunny Crimea where they will live a carefree and happy life. The bartender gives a bottle of vodka at Mussorgsky's request – it's one for the road. But insidious Kela injected poison into this very bottle. Tanya, Mozart, Verdi, Mussorgsky, Wagner and Tchaikovsky bring glasses to their lips. The poison works inevitably, and each of them remembers dramatic moments of their childhood before dying. The Mourners mourn the dead ones.

Tableau 5

Sklifosovsky Emergency Clinic, a few days later

Mozart came to himself in a hospital ward. The Voice informs him that his brothers and Tanya are dead, and he is the only survivor as he has immunity to poison gained in his previous life. Mozart seems to see the shadows of the dead – Wagner, Verdi, Mussorgsky and Tchaikovsky sing their favourite tunes, and Tanya dreams about unrealized southern happiness. *"You are no longer here. You're gone for ever. I'm alone in this world,"* Mozart utters.

Tatiana Belova

Чайковский – Максим Пастер
(флейту держит Моцарт – Роман Муравицкий,
валторну – Вагнер – Евгения Сегиенюк), 2005
Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Tchaikovsky – Maxim Paster
(Roman Muravitsky as Mozart with a flute, Evgeniya
Segenyuk as Wagner with a French horn), 2005
Photo by Damir Usupov / Bolshoi Theatre

Act 1. Tableau 1

Scene 1

VOICE

Ladies and gentlemen! May we please ask you to switch off your mobile phones. Please do not forget to keep them switched off for the second act as well.

What follows is the true story of the great scientist Alex Rosenthal. He was born in Berlin back in 1910. By the age of 22 he had already become a professor of biology. At 26 he made a great discovery: any living organism can be recreated from scratch through asexual reproduction. Rosenthal called his method duplication. He tested it on animals and after six months' work produced genetically identical duplicates of rats and horses which successfully grew to maturity. By the end of the 1930s he was already on the way to duplicating a human being and he himself was the donor for the first

experiments. But the Nazis denounced Rosenthal's bold ideas and storm troops raided and sacked his laboratory. Being a Communist, Rosenthal had great sympathy for the Soviet cause and so he fled to the USSR. On March 7th 1940 the first human duplicate was born. The Communist party approved of Rosenthal's ideas and put him to work on cloning Stakhanovite shock workers. Stalin personally bestowed honours on the great biologist. But that was not enough for Rosenthal, who dreamed of something quite different. For he had set his sights on returning men of genius from the past...

Rosenthal's laboratory. Rosenthal is preparing to duplicate Mozart. He is being helped by geneticists in white coats.

ROSENTHAL

(holding a human collarbone and lock of hair)

I am accomplishing the dream

Which I nurtured in my heart
Which hammered at my brow
With hard blows of truth
For one dream alone
Burned in my mind.

The resurrection of the gods
My goal, my passion,
My agony, my cross to bear,
For I believe: death does not become
genius!

GENETICISTS

Victory is at hand,
Is at hand...

ROSENTHAL, 1st COLLEAGUE

For I believe: death does not become
genius!

GENETICISTS

Victory over death
Is at hand, is at hand!

2nd COLLEAGUE

For I believe: death does not become
genius!

ROSENTHAL

Here is the collar bone of the great
Mozart,
Here is his locket.
Out of the maw of the grave
I have rent
The sweet dust of a genius.
His heart
Rotted away long ago,
His divine brain
Has crumbled to a mass of atoms.
But his bones guard
Their memory of him.
In their care
His long lost mortal remains
Lie in harmonious sleep!

Today, o Mozart,
Your cells
Will rise again from the dust
Of bygone years,
Streaming into the embrace
Of living flesh,
Splitting and dividing,
Splitting and dividing,
Splitting and dividing,
Into a billionfold alike!

GENETICISTS
Begone decay!
We shall cast down
The dominion of death!

ROSENTHAL
Your flesh
Shall grow
Will slumber sweetly
Warmed by the womb,
Gathering strength
Inside the supple body
Of a lusty Soviet woman.
Ten pale moons from now
You will tear asunder
Her loins,
And ensanguined,
Will arrive on earth
Shaking the world with your arrival!

GENETICISTS
Begone decay!
We shall cast down
The dominion of death!

ROSENTHAL, 1st COLLEAGUE
For I believe: death does not become
genius!

2nd COLLEAGUE
For I believe: death does not become
genius!

ROSENTHAL
My comrades!
Let us begin!

*Rosenthal lowers Mozart's collarbone into
a large, shining sphere.*

VOICE FROM A LOUDSPEAKER
The duplication of an organism from
an adult donor's bone marrow cells
by reprogramming them to develop
as a normal embryo by the Rosenthal
method:
Isolate a row of cells.
Carry out initial RM reconstruction.
Cultivate the donor's cells *in vitro*.
Stop the dividing of the cells under
cultivation at the GO stage.
Transplant the nuclei of the enucleated
egg cells of recipient number one at the
second stage of metaphasis.
Coat the reconstructed embryos in agar jelly.
Transplant the agar jelly into the oviduct
of recipient number two.

12 days later remove the embryos from
the oviduct.
Place the surviving embryo in the womb
of recipient number three.

ROSENTHAL
(kissing the Mozart's locket)
Wolfgang Amadeus Mozart!
You will be the fifth star
Of the immortal constellation!

GENETICISTS
Heiaha! Heiaha!
The merging of cells!
Fecundation!

ROSENTHAL, 1st and 2nd COLLEAGUES
To shine above the world below
Such is a genius's destiny!

GENETICISTS
Hoiootoho! Hoiootoho!
Penetration
Of virgin flesh!

ROSENTHAL
There is no death for great men!

1st and 2nd COLLEAGUES
For great men there is no death!

GENETICISTS
Heiaha! Heiaha!
Hoiootoho! Hoiootoho!
The passionate eruption
Of life resurrected!

ROSENTHAL
Grow, o Mozart!
You, whom I returned from the abyss!

1st and 2nd COLLEAGUES
Grow, o Mozart!
You, whom he returned from the abyss!

ROSENTHAL, 1st and 2nd COLLEAGUES
Glory to science!
Victorious over death!
Glory! Glory! Glory!

ALL
Glory for ever and ever!

Scene 2

Full moon. A birch wood near the accommodation blocks of the biological research centre. Rosenthal's house. Four hammocks hang from birch trees outside the window. Duplicates are asleep in them: Wagner, Tchaikovsky, Verdi and Mussorgsky. Rosenthal appears holding a child's cradle. He puts it down on the ground and touches it. The cradle starts rocking. Wagner cries out in his sleep and wakes up.

ROSENTHAL
Schlafst du, Wagner, mein Sohn?

WAGNER
Oh nein! Nein!

ROSENTHAL
What is the matter?

WAGNER
Such a terrible dream!
Always the same!
Again the sick swan appeared to me!

ROSENTHAL
Calm yourself, my Wagner. What swan?

WAGNER
I was sitting in the garden.
The day was clear and calm.
The branches of blossoming apple trees
Barely even trembled.
The sky shone azure,
The sun's rays streamed down
Onto the quiet earth.
Suddenly out of the blue
Appeared a divinely beautiful swan,
It began to circle downwards towards me,
Now gliding,
Now spreading and beating its noble
wings.
Admiring its beauty,
Stock still I prayed
That its wondrous flight
Might never end.
It flew lower and lower,
Gliding on the wind,
Ever more beautiful and white.
Then suddenly its snow-white wings
Began to crawl with worms!
Like hail, they beat about the fresh foliage,

About my head, about my face and hands!
The stricken swan descended from
the heavens,
Sadly bewailing its cruel fate!
Its body fell asunder in the tender azure
So quickly, so irretrievably!
Suddenly its cry ceased,
And the swan fell at my feet.

Like a black worm
Death hangs over everything:
The garden, the canteen,
The bedroom, my beloved birch wood,
The stagnant pond
And the tennis court!

The hour will sound
And a pitiless hail of corpse-eating
worms
Will rain down from heaven!

ROSENTHAL
Do not be afraid of dreams!
They are powerless
To extinguish the flame of reason.
Mein Wagner, mein Sohn!
There is no death for you,

You are immortal.
Decay shall not touch you.
Like the Phoenix, you will rise again
Out of lifeless flesh.

WAGNER
My father! I am terrified!
The faces of men frighten me!

ROSENTHAL
May the spirit of great music
Strengthen you, Wagner!

WAGNER
Father, why did you resurrect me?

ROSENTHAL
To do great deeds.
Music is a heavenly flame!
What can compare with it?
Before it science is nothing!

WAGNER
Vater! Ich habe Angst!
Grausig, grausig! (*he sobs*)

Mussorgsky wakes up in his hammock.

MUSSORGSKY

O damn it!

Wagner has been having nightmares
again...

*Tchaikovsky and Verdi toss and turn
irritably.*

VERDI

What time is it?

MUSSORGSKY

Long past midnight.
(yawns) What a trial!

TCHAIKOVSKY

What a frightful bore!
We shan't sleep all night again!
(he notices Rosenthal)
Father! Is that you there?

VERDI

What has happened?

ROSENTHAL

Children, my children,
This is a happy night!
Mozart is born unto us!

WAGNER, TCHAIKOVSKY, VERDI,
MUSSORGSKY

Mozart?

The very same?

The very same Mozart?

ROSENTHAL

The great, godlike Mozart,
Whom I have returned from the abyss.
And ten moons hence,
He shall be born again.

WAGNER

Mozart! Our brother...
He will be the fifth star
Of our constellation.

*Rosenthal takes out Mozart's locket and
throws it into the empty cradle. He pushes
the cradle with his hand. The cradle rocks
by itself. The duplicates walk up to it and
stand round as it rocks.*

WAGNER, TCHAIKOVSKY, VERDI

MUSSORGSKY, ROSENTHAL

A silent night.

The constellations have risen
By the foot of the bed
With unearthly shining.

A glimmer of light –

A dull reflection
Shines dimly
Like white fire.

Eternal peace –

The mystery of birth.
And the incarnation
Of bright hopes.

A deep blue veil

Descends smoothly.
The world disappears,
This madding world.

Young flesh,

The heart comes back to life
And beats ever faster –
The first blow is struck.

A new life –

The hour of awakening
In atonement
Of eternal sleep.

Tableau 2

*The veranda of Rosenthal's dacha.
The table is set for a celebration. Above
the table there are two identical portraits
of Mozart. Under one are written the dates
1756–1791. Under the other is written just
one date: 1976. An empty cradle stands
near the second portrait. The nanny enters
carrying a bouquet of freshly cut flowers
and puts them in a vase.*

NANNY

Heavens above!
I almost forgot the flowers!

*Three maids enter with wine and finger
snacks and place them on the table.*

NANNY

Hurry along, my girls!
Hurry along, my sweet ones!
Our little dears
Will soon be here!

MAIDS

They are taking the little one
On a steel mount!
Through the capital,
Along the high road!
On his steel mount
The little one sits,
He looks keenly
All around:
The little one sees
Moscow the capital,
He sees our city
Happy and dear to us,
He sees upstanding
Soviet people
He sees Lenin,
And the golden domed Kremlin,
He sees the deeds
Of the great Communist Party
He sees the happiness
Of our sun-filled days.

Tchaikovsky enters. He is visibly disturbed.

NANNY

Petrusha, is it you?
You...
Petrusha!

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

Oh nanny, nanny!

He throws himself into the nanny's bosom.

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

My darling!
Whatever is the matter with you?

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

There is something worrying me.

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

Your little heart is beating ever so!

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

I shall soon see my brother Mozart.

TCHAIKOVSKY

Oh nanny!

NANNY

Are you not happy?
You are going to have a fourth brother!
You should be glad!

NANNY

Petrusha!

TCHAIKOVSKY

Oh nanny, nanny!

TCHAIKOVSKY

I am glad, but....I am trembling awfully!

Once I used to pray to Mozart.

He was a god,

My idol,

NANNY

Why are you trembling, Petrusha?

The disembodied spirit

Of all that is holy in music!

And now he is a human being!

And in this cradle

He will wail and cry each night!
Oh heavens,
How difficult this world is!
And how terrifying
And strange it is to be in it!

TCHAIKOVSKY
Oh nanny!

NANNY
(embracing Tchaikovsky)
Petruška, calm yourself.
You too once lay crying
In this cradle.
And what of it?
I rocked to sleep
And nursed all of you:
You, my funny little one
Wagner as he bawled,
Verdi as he snivelled,
Mussorgsky as he howled,
All of you suckled my breasts.

NANNY
Petya!

TCHAIKOVSKY
Oh nanny!

NANNY
Petya!

TCHAIKOVSKY
Oh nanny!

NANNY
Petya!

TCHAIKOVSKY
Oh nanny!
My dear kind nanny!

TCHAIKOVSKY
What a shame our nanny
Had no milk left
For Mozart, the little tot.

NANNY
I am old, I am old now, Petya!

*They stand, embracing.
Something can be heard coming closer
and closer, people can be heard talking
excitedly.*

TCHAIKOVSKY
They are already here!

NANNY
Empress of Heaven!
Praise be!

*Rosenthal enters carrying baby Mozart,
surrounded by the duplicates, geneticists
and servants.*

ROSENTHAL
My friends!
Today Mozart
Is born to us on earth!

ALL
Glory to the great Rosenthal!

NANNY
Quiet!
You'll frighten the baby!

ALL
Quiet, quiet!
(quietly)
Glory to the great Rosenthal!

*Nanny takes Mozart from Rosenthal and,
lulling it, puts him in the cradle and rocks
it. Everyone gathers round the cradle.*

VERDI
Bello bambino!
How sweetly he sleeps!

TCHAIKOVSKY
How helpless he looks.

WAGNER
So do all children.

MUSSORGSKY
And so did I once.

VERDI
He is the youngest of us all!
Now if only he could become his happy
self!

TCHAIKOVSKY
What a dear little child!
Oh, I don't remember myself like that!

ROSENTHAL
But nanny and I remember every one
of you.
(embraces the nanny)

MUSSORGSKY
Daddy, do you remember
When Verdi was born
On the seventh of May?
I was just a little boy then!

TCHAIKOVSKY
A wasp bit me on that day!

WAGNER
Mussorgsky arrived in winter.
Tchaikovsky and I must have been
about 12...

TCHAIKOVSKY
There was such a hard frost then!
The baby had to be swaddled
In blankets.

NANNY
He looked just like a great big cabbage
When I brought him in!
And he went and peed himself

Soaking three blankets right through!
*Everyone laughs. Nanny puts a finger
to her lips and hugs Wagner and
Mussorgsky.*

You two were born a year before the war.
I was young then.

TCHAIKOVSKY
There was enough milk for everyone...
But where are our toys
That Stalin gave us?
Mozart could play with them!

ROSENTHAL
They are alive and well.

*The cupboard opens. The teddy bear, tin
soldier and ballerina appear on stage.
The toys dance.*

TCHAIKOVSKY
Oh how delightful!

WAGNER
Das ist fantastisch!
At the New Year's tree
In the Kremlin Palace
Stalin had presented them to us.

ROSENTHAL
And you remember that evening?
That evening...

TCHAIKOVSKY
I remember only
The children song.
Oh it's good to live in the land of the
Soviets...
No, it is not so!
Oh, it's good to live in the land of the
Soviets.
Oh, it's good to be loved by our country,
Oh, it's good to do something for our
country,
To wear, yes, to wear proudly the red
scarf of Pioneer!

ROSENTHAL
Mein Gott,
O, that song...

WAGNER
What is the matter, father?

ROSENTHAL
When I was awarded my third order
And Stalin invited us to the Kremlin
To celebrate the New Year at a carnival,
I introduced you as my own children.
He did not know who you were,
He did not know...

TCHAIKOVSKY
You resurrected us in secret?

ROSENTHAL
Yes.
I was supposed to be working
On a program
Of duplicating the masses
And to resurrect dour stakhanovites.
But you are dearer than a million
duplicates.
They are ordinary, earth-bound.
You are the chosen ones.
You are the children of heaven.

WAGNER, TCHAIKOVSKY, VERDI,
MUSSORGSKY
We are the chosen ones,
We are the children of heaven...

ROSENTHAL

I resurrected you secretly,
Against the will
Of the great leader.

Stalin appears, speaking to a Communist Party congress.

STALIN

Comrades, is there any need for us to resurrect the writers, scientists, composers and philosophers of the past? I think there is no need. Because they have already said their piece. But you and I need to think about the future. We need our own, Soviet writers, scientists and composers. The duplication method is not a toy, but a tool. And it is essential for this tool to be used properly, for duplication serves to the working-people. *(tumultuous applause)*

GENETICISTS

To the working-people,
To the working-people,
To the working-people,
To the working...

Khrushchev appears, delivering a speech from the rostrum.

KHRUSHCHEV

The successes of Soviet duplication have made a lot of imperialist dogs hold their tongues for good. We've bred the communist of the future, comrades! *(tumultuous applause)*

GENETICISTS

We have bred the communist,
We have bred the communist,
We have bred the communist...

Brezhnev appears, delivering a speech from the rostrum.

BREZHNEV

The continued expansion and perfection of the technology for duplicating exemplary workers in industry, time and motion men, engineers, laborers on collective and state farms, communist party and trade union activists, defenders of the fatherland, young communists' league leaders, workers in the domestic

service sector, administrative and government ministry officials, representatives of the artistic intelligentsia will serve to increase further the economic and military might of our Motherland and the well-being of the Soviet people. *(tumultuous applause)*

GENETICISTS

Glory to the reserves of growth!
Glory to the reserves of growth!
Glory to the reserves of growth!
To the reserves of growth – glory!

Andropov appears, delivering a speech from the rostrum.

ANDROPOV

It is essential to increase thoroughly and systematically the rate of duplication of agents of law enforcement organs and state security organs who have especially distinguished themselves. *(tumultuous applause)*

GENETICISTS

We shall increase the rate,
We shall increase the rate,
We shall increase the rate, increase it!

Gorbachev appears on the rostrum.

GORBACHEV

Comrades! Now I want to say a few words about duplication. It is time for the party to own up and take full responsibility: for the last 10, even 15 years you and I have not been duplicating the right people at all. It is time for perestroika in duplication, we need to clean off the mould of the period of stagnation. And we shall clean it off, comrades, decisively and like true communist party men! *(tumultuous applause)*

GENETICISTS

Clean off,
Clean off decisively,
Clean off decisively,
Decisively...

Yeltsin appears on the rostrum.

YELTSIN

I'm going to be honest with you:
the Russian state hasn't got any money
for duplication. That's the first thing, and
secondly – it's about time we stopped
this Stalinist nonsense, got it? (*tumultu-
ous applause*)

GENETICISTS

About time, got it?
About time, got it?
About time, got it?
About time!

WAGNER, TCHAIKOVSKY, MOZART, VERDI,
MUSSORGSKY
They did not want us.

ROSENTHAL
I wanted you.

cd 2

Act 2. Tableau 3

*It is 1993. The scene is Three Stations
Square in Moscow. People with luggage
are hurrying to catch their trains, taxi*

DUPLICATES (*in canon*)

How alone in this world I am!

*Suddenly a large funeral portrait of Rosen-
thal appears bordered by a black ribbon.
Under the portrait are the dates 1910
to 1992. A funeral march is playing.*

DUPLICATES

Father!
You have gone.
For ever!
An alien world
Surrounds us!
Where is the place for us
On this earth?

VOICE

The state has no money for your upkeep.

*drivers and con artists are touting for
customers, there are prostitutes, card
sharps, beggars, drunks, homeless people;
long lines of street vendors selling food,*

*clothes, cheap vodka and all sorts of odds
and ends.*

DEPARTING PASSENGERS

Hurry hither, hurry thither,
Hurry hither, hurry thither,
Hurry to and hurry fro,
Hurry to and hurry fro!

TAXI DRIVERS

Ride through mother Moscow!
Ride through white-stone Moscow!
Cheap at the price – a thousand rubles!

REFUGEE

Spare a kopek for a refugee, for the love
of God!

CARD SHARPS

Mug's game, mug's game!
Twist and turn! Twist and turn!

HOMELESS MAN

Ah, would that I knew why!
Ah, they beat in my poor little mug,
Ah, rained blows on my poor kidneys.
Ah, smashed to smithereens

My quarter bottle of Zhirinovskiy vodka!
Ah, be damned, you monsters!
Ah, be damned, accursed ones!

PROSTITUTES

We shall coddle our white swan,
We shall caress our bright falcon.
Eyes so black, hands so tender,
Lips so burning, so insatiable!
So generous with their favours!

STREET VENDORS

Come buy good people,
Small and undergarments,
From the state and made by hand,
Victuals, beverages!

DEPARTING PASSENGERS, TAXI DRIVERS,
REFUGEE, CARD SHARPS, HOMELESS
MAN

Hurry hither, hurry thither *etc*
Ride through mother Moscow *etc*
Spare a kopek for a refugee, for the love
of God!
Mug's game, mug's game *etc*
Ah, would that I knew why *etc*

Five duplicates walk into the middle of the square: Wagner with a tuba, Tchaikovsky with a clarinet, Mozart with a flute, Verdi with a harp and Mussorgsky with a bass drum.

TCHAIKOVSKY, MUSSORGSKY
Gentlemen and sweet ladies!

MOZART, VERDI
Friends and comrades!

TCHAIKOVSKY, MUSSORGSKY
Citizens of Moscow and the Russian state!

WAGNER, MOZART
Vagabonds and homeless vagrants!

VERDI, MUSSORGSKY
Chaste young ladies and their mothers!

WAGNER, TCHAIKOVSKY, MUSSORGSKY
Would you be so good as to listen to...

MOZART, VERDI, MUSSORGSKY
...some rare music for a while?

TANYA, REFUGEE, STREET VENDOR,
SLEEPING CAR ATTENDANT, HOMELESS
MAN
What do you sing, good people?

DUPLICATES
Why, whatever tune you call, my friends!

STREET VENDOR
Strike up a dance, fine fellows!

SLEEPING CAR ATTENDANT
No, sing me rather a travelling song...

STREET VENDOR
Oh! My feet are already dancing all on
their own!

SLEEPING CAR ATTENDANT
...about Blue Carriage and Cheburashka.

HOMELESS MAN
Something classical, perhaps?

TANYA
Sing me a song to touch my soul, gents!

REFUGEE
About the Christ Child and the Mother
of God!

MUSSORGSKY
It shall be done, comrades!

*Mussorgsky brandishes his drumstick.
The duplicates mime playing their instru-
ments.*

MUSSORGSKY
Once in the mighty city,
In Moscow, in the capital,
Three stray dogs,
Went to drink water
At the midday hour.

One was a white dog.
The next was a black dog.
The third was a red dog.

To the Moscow River they came,
And found a quiet place
At the midday hour.

First drank the white dog –
And the water did turn white.
Then drank the black dog –
And the water did turn black.
Then drank the red dog –
And the water did turn red.

WAGNER, TCHAIKOVSKY, MOZART, VERDI
The earth did tremble!
The sun disappeared!
On Red Square the tsar's rostrum was
rent asunder!
Rent asunder, broken asunder,
Besprinkled with warm blood!

MUSSORGSKY
And from the heavens a thunderous
voice was heard:
"He who was the executioner,
Shall become the victim!
The hour is upon us
Of the great day of reckoning!"

The listeners applaud the duplicates.

WAGNER AND MUSSORGSKY

Anyone with a kopek to spare,
Come forth!

*Wagner and Mussorgsky walk round
the square, cap in hand. Coins shower into
the cap. The street traders and taxi drivers
strike up a folk song in Ukrainian. Mozart
goes up to Tanya.*

STREET VENDORS, TAXI DRIVERS

Oh, I shall go to the forest for firewood
And gather up twigs,
I am led,
I am led by another's desire,
To a place far away.

But in that faraway place,
There is no father or mother,
Only in the orchard,
Only in the cherry orchard,
The nightingale sings...

TANYA

Thank you, my handsome stranger,
Thank you my kind friend!

MOZART

You didn't really like it, did you?

TANYA

Oh I liked it, I shan't lie to you.
You sing so purely, play so nimbly!

STREET VENDORS, TAXI DRIVERS

Sing, nightingale, sing,
With all your voice,
And I shall go,
I shall go,
I shall go to the cherry orchard
And cry bitter tears...

TANYA

My little soul is flustered,
My heart of stone has melted!
I quake in my very shoes,
And tremble at the knees.
My heart beats in my breast with
hammer blows!

MOZART

What is your name, my black-browed
one?

TANYA

Tatyana.

MOZART

Some people call me Mozart.

TANYA

What a nickname!
Did you think it up yourself?

MOZART

No, it is a long story...

STREET VENDORS, TAXI DRIVERS

Oh, I shall pick a rose,
And cast it into the water:
Carry the rose,
Carry the rose,
Down the water,
Back to my native home.

WAGNER

(counting the money)

The poor haven't coughed up all that
much...
On the underpass on Tverskaya street
The pickings are better.

MUSSORGSKY

Stop being such a tight-wad, brother!
There's enough coppers for a drink and
a feed.
Let's get down to the boozier, my friends!

STREET VENDORS, TAXI DRIVERS

Down, down the rose floated
Until it stopped...
My mother went out,
My mother went out
To fetch water –
And saw the flower was from me.

WAGNER

Mein Gott,
I don't like this city at all.
Too full of ugly new buildings...

MUSSORGSKY

There's money around all right –
More than they know what to do with,
And so much vodka,
All Europe could not drink it up!
O, as God is my witness,
We'll drink our full today!

MOZART
(taking Tanya by the hand)
Tatyana, will you come...
With us?

TANYA
Maybe I shall.

MUSSORGSKY
The Lord keep you, my girl!
Well now, I wouldn't mind a drink.
Let's away to the inn, my friends!

THE DUPLICATES (without Mozart)
We shall go to the inn,
And make merry there!
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

We shall go to the inn,
And kick our heels there!
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

CHORUS
Hoy!

THE DUPLICATES
We shall go to the inn,
And sing of our deeds there!
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

We shall go to the inn,
And stuff ourselves full there!
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

CHORUS
Hoy!

THE DUPLICATES
We shall go to the inn,
And be smothered with kisses there,
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

We shall go to the inn,
And cry floods of tears there,
Hi hi hi hi,
Hey ho, hey ho!

CHORUS AND DUPLICATES
Hoy!

*Wagner, Mussorgsky, Verdi, Tchaikovsky
and all the crowd leave. Mozart and Tanya
remain on the stage.*

Tableau 4
Scene 1

Tanya and Mozart gaze at each other.

MOZART
Tatyana,
Quickly, give me your hand.
How happy I am with you by my side!

TANYA
(reaching out her hand towards Mozart)
Mozart,
You intoxicate me...

MOZART
Tatyana!
I could repeat your delightful name
Countless times:
Tatyana!

TANYA
Mozart!

MOZART
Tatyana!

TANYA
Mozart!

MOZART
How beautiful you are, child of the
railway stations!
The fire burns hot in your eyes,
Hot in your eyes...
When I saw you in the crowd,
Thunder from heaven struck me down,
And lightning pierced my heart!

TANYA
Your voice enralls me,
And my heart flutters just like a bird,
My heart flutters...
I listened to you
Rooted to the spot like a child –
You sang so purely, so nobly!

MOZART
Tatyana, I want to be with you...
To caress you and protect you!

TANYA
O Mozart, I am trembling all over...
I don't know what is happening to me...

MOZART
I could repeat countless times...
Your wondrous name:
Tatyana! Tatyana!

TANYA
O Mozart!
O, you intoxicate me,
Quickly, give me your hand,
Give me, give me your hand!

MOZART
How happy I am!
My Tatyana,
I want to be by your side!

TANYA
How happy I am!
I want to be by your side,
My darling....

MOZART
The love has awoken within me,
That so many years slumbered
Within me; it slumbered
Like a butterfly within its dark chrysalis!
But then the shell cracked, and out flew
My love straight towards you!
But then the shell cracked, and out flew
My love straight towards you!

TANYA
So long I waited for a change,
I dreamed, I dreamed
Of tender passion.
Today like a playful gust of warm wind
He has blown into my life,
Swept away the ruins of my past!
The wind has blown in and my love,
Flies straight towards you!

MOZART, TANYA
My love,
My love flies straight towards you,
My love flies to you!

PROSTITUTES (*off-stage, drawing closer*)
It is time, my girl, it is time!
Darkness lights the lamps!
The three stations are seething,
The three stations are waiting
For our flesh!
It is time!

TANYA
Away from me!

PROSTITUTES (*on-stage*)
It is time, my girl, it is time!
Hard cash beckons, glistens!
The three stations are seething,
The three stations are waiting
For our flesh!
It is time!

TANYA
Away, away!

Away from me!
There can be no return!
Love saves souls!
The shame of the past,
The murk of the past, –
Love conquers it all!

PROSTITUTES
She's no longer one of us!
She has betrayed us!

KELA (*appears on stage*)
What's all this noise?

PROSTITUTES
She's no longer one of us!
She has betrayed us!

KELA
Who? Tan'ka?
Hey, damn,
I'll make you jump to it!
Tan'ka, get back at it!
The three stations
Are waiting for your flesh!

PROSTITUTES
The three stations are seething,
The three stations are waiting
For our flesh!
It is time!

TANYA
Away, away!

TANYA
Away from me!
There shall be no going back!
Love saves souls!
The shame of the past,
The murk of the past, –
Love conquers it all!

MOZART
Begone, you rogue!

KELA
Who do think you are?

MOZART
I love her!

KELA (*laughing*)
Loves her! Idiot!
She's a prostitute!
Hey you, whore! Get back at it!

PROSTITUTES
Come back, prostitute!
Come back, come back!

TANYA
No!

KELA
Tan'ka, get back at it!

MOZART
Begone, you rogue!

KELA
Quiet, you old lush!

Verdi appears.

VERDI
Stop! Fratello mio!
He pushes away Kela, who falls over.
Che cosa?

MOZART
(embracing Tanya)
I love her.

TANYA
I love him.

VERDI
Who shall dare
Enslave love?

KELA
She's mine.
She has to pay me.
And if she doesn't pay,
I'll rip her up and you too!

PROSTITUTES
She must pay,
She must pay,
Must pay, pay,
Must pay!

VERDI
(ripping open the lining of his jacket and taking out a golden watch)
For twenty years,
I guarded my father's watch.
But for the sake of love, but for love
Nothing shall be spared!
(throwing the watch at Kela, who catches it)
Here, take it
And get away from here!

Kela leaves. Tanya and Mozart embrace joyfully.

PROSTITUTES
She's free! She's free!
She's free! She's free!

VERDI
Be happy,
My children!
(joining Mozart's and Tanya's hands)

PROSTITUTES
She's free! She's free!

VERDI
(singing and accompanying himself on the harp)
L'amor è libero
e impetuoso,
l'amor è santo
e meraviglioso.
aleggia dove vuol
in chiunque può albergar
comparir può all'improvviso
e all'improvviso dileguar!

L'augel sul mare
è l'amore!

PROSTITUTES
è l'amore, l'amore!

VERDI
Il sol nel cielo
è l'amore!

PROSTITUTES
è l'amore, l'amore!

VERDI
Il vento libero
è l'amore!

PROSTITUTES
è l'amore, l'amore!
Il ciel stellato sopra noi,

VERDI
è l'amore!

PROSTITUTES
L'amore, l'amore, l'amore!

VERDI
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
salve il mondo!

PROSTITUTES
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
Salve il mondo!

MOZART
I call everybody
To come to our wedding!

TANYA
Love saves souls!

MOZART
Come one, come all!
Everyone is my guest!

TANYA
Love conquers everything!

VERDI, PROSTITUTES, TANYA, MOZART
Viva l'amore!
L'amore, l'amore
Salve il mondo!

Everybody goes off stage.

Kela appears.

KELA
Curses!
That retard has taken her off!
Ah Tanya you hussy, ah Tanya you hussy
You have betrayed me!
You I picked up out of the dirt!
Dressed you properly, put you on
the game
And taught you to rake it in,
And you?
You vile slut, you slut,
You vile slut!
Well now,
You won't have much of a wedding!
You'll rue the day you left me in the
lurch!

Scene 2

*Excited people can be heard off stage,
there is the sound of a crowd drawing
close.
The duplicates run onto the stage, Tanya,
and the wedding guests – the prosti-
tutes, the street vendors, the taxi drivers,*

*the homeless man, the refugee, essentially
all the various different characters from
the Third Scene. They are all dancing.
The duplicates are congratulating
the newlyweds.*

MUSSORGSKY
Oh, splendid!
That's what I call a celebration!

VERDI
Bello! Bello!

TCHAIKOVSKY
Oh Mozart, how wonderful!
Isn't it, Wagner? You're making a face
again!

WAGNER
I am sorry that Mozart will soon be
leaving us.

MOZART
Oh no, I shall not leave you!
We shall all go together!

TCHAIKOVSKY

Ah, surely we won't ever manage
To get out of Moscow, this cruel city?

WAGNER

I cannot believe it, cannot believe it,
cannot believe it!

TANYA

In the Crimea, in heavenly Livadia
Lives my aged mother.
In her humble abode,
Believe me, there will be room for
everyone.

Come away with me
Far away to the warm Crimea.
To the Black Sea
Where the sky is blue,
Where the seagulls are white
And the grapes deep blue,
The people are languid,
And the dolphins swift,
To the shores of Livadia
So peaceful at night,

MOZART

I shall come away with you...

TANYA

I shall come away with you...

MOZART

Far away to the warm Crimea.

TANYA

Far away to the warm Crimea.

TANYA, MOZART

On the peaceful seashore
We shall fry mussels,
And drink them down
With rose wine.

MOZART

And kiss each other passionately
All night long,
And time will stand still for us...

TANYA, MOZART

And our happiness will last for ever,
And our happiness will last for ever,
Our happiness will last for ever,

Our happiness will last...

For ever shall our happiness last!

EVERYONE

Viva! Viva! Viva! *(they start dancing
again)*

MOZART *(taking the train tickets out of his
pocket)*

My friends, it is nigh-on midnight!
At nought nought thirty,
Our train departs from the Kursk station.
It is time to go!

MUSSORGSKY

Just wait one moment, my brother
Mozart!

It is not like a Russian to leave without
one for the road,

Let us have one last drink
Before setting off to the station.

Hey, you!

Bring us some vodka,
The very best in the house!

*While the barmen is looking for the vodka,
Kela squirts poison into a bottle of Absolut
through a syringe.*

KELA

One of these for the road and you won't
feel a thing!

*The barman hands the bottle of Absolut
over to Mussorgsky. The duplicates and
Tanya hold up their glasses, and Mussorg-
sky fills all six of them.*

MUSSORGSKY

A toast to your new life!

TANYA

There shall be no going back!

VERDI

Viva l'amore!

*The six of them slowly raise their glasses
to their mouths and down the vodka.*

WAGNER

What a shame that our father did not
live to...

TANYA
Father...

MOZART
What is wrong with you?

TANYA
I don't know...
I don't feel quite right.
Father...my father...

MOZART
Oh, what's happening to you?
You've gone all pale!
Tanya! My love!

TANYA
Father...my father...
He...he abandoned us!
He used to beat my mother!
And yours...your father?

MOZART
Mine? Ours?
I seem to be all light-headed....

WAGNER
Where's my scooter?
Where's my scooter?
Nanny has stolen my scooter!
Nanny has stolen...
Where's my scooter?
Where's my scooter?
Nanny has stolen my scooter!
Schweine!

MUSSORGSKY
Papa, I've had another bad dream!
A black beetle,
A black beetle!

TCHAIKOVSKY
Papa, I can't breathe,
I can't breathe...
Take my tonsils out, papa!

MOZART
My brothers!
Tanya...
Father! I've gone all cold!

TANYA
Mummy, mummy,
I won't do it again.
Mummy, forgive me!

WAGNER
Where's my scooter?
Where's my scooter?
Nanny has stolen my scooter!
Nanny has stolen...
Where's my scooter?
Where's my scooter?
Daddy, buy me a scooter,
Daddy, buy me...aaargh!!!

Commotion and alarm in the crowd.

TANYA
Mummy, mummy,
I won't do it again.
Mummy, forgive me... (dies)

WAGNER
Daddy, buy me a scooter,
Daddy, buy me a scooter,
Daddy, buy me a scooter... (dies)

TCHAIKOVSKY
Papa, I can't breathe, I can't breathe...
Take my tonsils out, papa... (dies)

MOZART
Papa, I've gone all cold!
Papa, I've gone all cold!
Papa, I've gone all cold! (dies)

MUSSORGSKY
Papa, a black beetle, a black beetle!
Papa, a black beetle, a black beetle...!
Papa, papa, papa... (dies)

VERDI (shouts)
Ho paura!
Cranio, cranio! (dies)

Two mourners walk over to Tanya and the duplicates, who are lying motionless on the ground and weep over their corpses.

MOURNERS
The withered little tree
Has not one little shoot,
The spirits from beyond the grave

Visit us not,
Bring us no word.

They sleep oh so deeply,
The poor little orphans
So woebegone they are.

Ah, how cruel you are, fate of orphans!
There is no-one to shed a hot tear,
There is no-one to spare a thought for
the poor little orphans,
There is no-one to pray for the sad little
paupers.

Tableau 5

*Dim light. There is a hospital bed on an
empty stage. Mozart is lying on it. He lifts
his head and sits up.*

MOZART
Where am I?

VOICE
In the Sklifosovsky hospital accident and
emergency unit.

MOZART
What happened to me?

VOICE
You are alive. Although you should have
died...

MOZART
Died...

VOICE
...because there was rat poison in that
vodka.

MOZART
Rat poison...

VOICE
200 years ago you were poisoned with
mercury. You died without completing
your *Requiem*.

MOZART
Who poisoned me?

VOICE
Your wife and her lover. For four months
they mixed mercury into your food. Back
then you died from kidney failure. That
pimp Kela gave you poison containing
mercury chloride. But you had genetic
immunity to it. Because back then your
body struggled against the fatal dose
of mercury. And so this time you sur-
vived. On your own.

MOZART
And...Tanya?

VOICE
Dead.

MOZART
And...my brothers?

VOICE
Dead.

MOZART
No!

VOICE
Yes.

MOZART
No! No! No! (*sobbing*)

Ghosts and voices of the dead.

VOICE OF WAGNER
Out of the blue
Appeared a divinely beautiful swan,
It began to circle downwards towards
me,
Now gliding,
Spreading and beating its noble wings.
It came down lower and lower
Gliding on the wind,
Ever more beautiful and white,
Admiring its beauty,
Stock still I prayed...

VOICE OF TCHAIKOVSKY
Oh heavens, how difficult this world is!
And how terrifying and strange it is...!
Oh nanny, oh nanny, nanny!
How difficult this world is!
Oh it's good to live in the land of the

Soviets,
Oh it's good to be loved by the land...
...a red scarf...

VOICE OF MUSSORGSKY

He who was the executioner,
Shall become the victim!
The hour is upon us
Of the great day of reckoning,
The hour shall sound...

VOICE OF VERDI

L'amor è libero e impetuoso,
L'amor è santo e meraviglioso...
Allegria...

VOICE OF TANYA

On the peaceful seashore
We shall fry mussels...

TANYA, MOZART

And drink them down
With rose wine...

MOZART

And kiss each other passionately
All night long,

And time will stand still for us..

TANYA, MOZART

And our happiness will last for ever...

TANYA

For ever...

For ever...

For ever...

WAGNER

A divinely beautiful swan,
A divinely beautiful swan,
A swan...

TCHAIKOVSKY

Oh heavens!

Heavens!

Heavens!

MUSSORGSKY

The hour shall sound,
The hour shall sound,
The hour shall sound...

VERDI

Viva l'amore,
Viva l'amore,
L'amore...

MOZART

No! You are no more.
You have gone
For ever.
And I am alone,
In this world.

*A flute appears in Mozart's hands. He tries
to play on it.*

Translated by Edmund Harris

Оркестровая репетиция к премьере, 2005
 Фото: Дамир Юсупов / Большой театр России

Orchestra rehearsal before the premiere, 2005
 Photo by Damir Usupov / Bolshoi Theatre

диск 1

Первое действие. Первая картина

Сцена 1

- 1 Дамы и господа! Просим вас... / Голос 0.39
- 2 Любое живое существо можно воссоздать заново /
 Голос, Розенталь, генетики,
 1-й и 2-й соратники 8.45
- 3 Соратники! Мы начинаем! / Розенталь, Голос
 в репродукторе 4.01
- 4 Heiaha! Heiaha! / Генетики, Розенталь,
 1-й и 2-й соратники 2.10

Сцена 2

- 5 Schlafst du, Wagner, mein Sohn? /
 Розенталь, Вагнер 1.46
- 6 В саду сидел я / Вагнер, Розенталь 7.21
- 7 О, черт! Опять кошмар ночной у Вагнера... /
 Мусоргский, Верди, Чайковский,
 Розенталь, Вагнер 2.13
- 8 Тихая ночь. Встали созвездья / Вагнер, Чайковский,
 Верди, Мусоргский, Розенталь 3.13

Вторая картина

- 9 Охти мне, Господи! / Няня 1.33
- 10 Везут крошку на лошадке стальной! /
 Подавальщицы 2.17
- 11 Петруша, ты? Ты... Петруша! / Няня, Чайковский . . 4.03
- 12 Уж едут! / Чайковский, Няня, Розенталь, дубли,
 генетики, слуги 1.36

- 13 Bello bambino! / Верди, Чайковский,
 Вагнер, Мусоргский, Розенталь, Няня 2.42
- 14 Танцы кукол 2.00
- 15 Ах, прелесть! / Чайковский, Вагнер, Розенталь,
 Верди, Мусоргский 5.02
- 16 Товарищи, нужно ли нам воскрешать писателей,
 ученых, композиторов и философов прошлого? /
 Сталин, генетики, Хрущёв, Брежнев, Андропов, Горбачёв,
 Ельцин, Вагнер, Чайковский, Моцарт, Верди, Мусоргский,
 Розенталь 6.30
- 17 Отец! Ты ушел / Вагнер, Чайковский, Моцарт, Верди,
 Мусоргский, Голос 2.59

Общее время: 58.57

диск 2

Второе действие. Третья картина

- 1 Торопись, торопило... / Отъезжающие, таксисты,
 беженец, наперсточники, бомж, проститутки,
 торговцы 5.26
- 2 Господа и дамочки! / Чайковский, Мусоргский,
 Моцарт, Верди, Вагнер, Таня, торговка, проводник,
 бомж 1.37
- 3 Как во славном городе, во Москве-столице /
 Мусоргский, Вагнер, Чайковский, Моцарт, Верди . . 4.53
- 4 Кому не жалко копеечки – мечи сюда! / Вагнер,
 Мусоргский, торговцы, таксисты, Таня, Моцарт . 4.30
- 5 А пойдём во кабак, разгуляемся! / Вагнер, Чайковский,
 Верди, Мусоргский, хор 2.38

Четвертая картина**Сцена 1**

- 6 Татьяна, скорее дай мне руку /
Моцарт, Таня 4.16
- 7 Пора, подруга, пора! Ночь зажигает огни! /
Проститутки, Таня, Кела, Моцарт 2.30
- 8 Стойте! Fratello mio! Che cosa? / *Верди, Моцарт, Таня, Кела, проститутки* 1.44
- 9 Часы отца двенадцать лет берег я / *Верди* 1.18
- 10 Свободна! Свободна! / *Проститутки, Верди* 0.50
- 11 *L'amor è libero e impetuoso, l'amor è santo*
e meraviglioso / *Верди, проститутки, Моцарт, Таня* 4.26
- 12 Проклятье! Лох увел ее! / *Кела* 1.41

Сцена 2

- 13 Эх, славно! Вот так праздник! / *Мусоргский, Верди, Чайковский, Вагнер, Моцарт* 2.02
- 14 В Крыму, в Ливадии чудесной живет старушка
мать моя / *Таня, Моцарт* 5.02
- 15 Viva! Viva! Viva! / *Хор, Моцарт, Мусоргский* 1.16
- 16 Вам будет легко этот «посошок»! /
Кела, Мусоргский, Таня, Верди 2.09
- 17 Как жаль, что наш отец не дожил... / *Вагнер, Таня, Моцарт, Мусоргский, Чайковский, Верди* 2.46
- 18 У сухого деревца нету отростеньца /
Плакальщицы 3.16

Пятая картина

- 19 Где я? / *Моцарт, Голос* 3.25
- 20 В синеве появился божественный лебедь /
Голос Вагнера, Голос Чайковского, Голос Мусоргского, Голос Верди, Голос Тани, Моцарт 4.36

Общее время: 73.00

Солисты, хор и оркестр Большого театра

Дирижер – Александр Ведерников

Запись 2015 года

Звукорежиссер – Геннадий Папин

Ассистент звукорежиссера – Елена Сыч

cd 1**Act 1. Tableau 1****Scene 1**

- 1 Ladies and gentlemen! May we please ask you... /
Voice 0.39
- 2 Any living organism can be recreated... / *Voice, Rosenthal, geneticists, 1st and 2nd colleagues* 8.45
- 3 My comrades! Let us begin! / *Rosenthal, Voice from a loudspeaker* 4.01
- 4 Heiaha! Heiaha! / *Geneticists, Rosenthal, 1st and 2nd colleagues* 2.10

Scene 2

- 5 Schlafst du, Wagner, mein Sohn? /
Rosenthal, Wagner 1.46
- 6 I was sitting in the garden. The day was clear
and calm / *Wagner, Rosenthal* 7.21
- 7 O damn it! Wagner has been having nightmares
again... / *Mussorgsky, Verdi, Tchaikovsky, Rosenthal, Wagner* 2.13
- 8 A silent night the constellations have risen / *Wagner, Tchaikovsky, Verdi, Mussorgsky, Rosenthal* 3.13

Tableau 2

- 9 Heavens above! I almost forgot the flowers! /
Nanny 1.33
- 10 They are taking the little one on a steel mount! /
Maids 2.17

- 11 Petrusha, is it you? You... Petrusha! /
Nanny, Tchaikovsky 4.03
- 12 They are already here! / *Tchaikovsky, Nanny, Rosenthal, duplicates, geneticists and servants* 1.36
- 13 Bello bambino! / *Verdi, Tchaikovsky, Wagner, Mussorgsky, Rosenthal, Nanny* 2.42
- 14 Dances of the Dolls 2.00
- 15 Oh how delightful! / *Tchaikovsky, Wagner, Rosenthal, Verdi, Mussorgsky* 5.02
- 16 Comrades, is there any need for us to resurrect
the writers, scientists, composers and philosophers
of the past? / *Stalin, geneticists, Khrushchev, Brezhnev, Andropov, Gorbachev, Yeltsin, duplicates, Rosenthal* 6.30
- 17 Father! You have gone / *Duplicates, Voice* 2.59

Total time: 58.57

cd 2**Act 2. Tableau 3**

- 1 Hurry hither, hurry thither / *Departing passengers, taxi drivers, refugee, card sharps, homeless man, prostitutes, street vendors* 5.26
- 2 Gentlemen and sweet ladies! / *Tchaikovsky, Mussorgsky, Mozart, Verdi, Wagner, Tanya, refugee, street vendor, sleeping car attendant, homeless man* 1.37
- 3 Once in the mighty city, in Moscow, in the capital... /
Mussorgsky, Wagner, Tchaikovsky, Mozart, Verdi 4.53
- 4 Anyone with a kopek to spare, come forth! /
Wagner, Mussorgsky, street vendors, taxi drivers, Tanya, Mozart 4.30
- 5 We shall go to the inn, and make merry there! /
Mussorgsky, Wagner, Tchaikovsky, Verdi, chorus 2.38

Tableau 4. Scene 1

6	Tatyana, quickly, give me your hand / <i>Mozart, Tanya</i>	4.16
7	It is time, my girl, it is time! Hard cash beckons, glistens! / <i>Prostitutes, Tanya, Kela, Mozart</i>	2.30
8	Stop! Fratello mio! Che cosa? / <i>Verdi, Mozart, Tanya, Kela, prostitutes</i>	1.44
9	For twenty years, I guarded my father's watch / <i>Verdi</i>	1.18
10	She's free! She's free! / <i>Prostitutes, Verdi</i>	0.50
11	L'amor è libero e impetuoso, l'amor è santo e meraviglioso / <i>Verdi, prostitutes, Mozart, Tanya</i>	4.26
12	Curses! That retard has taken her off! / <i>Kela</i>	1.41

Scene 2

13	Oh, splendid! That's what I call a celebration! / <i>Mussorgsky, Verdi, Tchaikovsky, Wagner, Mozart</i>	2.02
14	In the Crimea, in heavenly Livadia lives my aged mother / <i>Tanya, Mozart</i>	5.02
15	Viva! Viva! Viva! / <i>Chorus, Mozart, Mussorgsky</i>	1.16
16	One of these for the road and you won't feel a thing! / <i>Kela, Mussorgsky, Tanya, Verdi</i>	2.09
17	What a shame that our father did not live to... / <i>Wagner, Tanya, Mozart, Mussorgsky, Tchaikovsky, Verdi</i>	2.46
18	The withered little tree has not one little shoot / <i>Mourners</i>	3.16

Tableau 5

19	Where am I? / <i>Mozart, Voice</i>	3.25
20	Out of the blue appeared a divinely beautiful swan... / <i>Voice of Wagner, Voice of Tchaikovsky, Voice of Mussorgsky, Voice of Verdi, Voice of Tanya, Mozart</i>	4.36

Total time: 73.00

Soloists, choir and orchestra of the Bolshoi Theatre
Conductor – Alexander Vedernikov

Recorded in 2015.

Sound engineer – Gennady Papin

Assistant to sound engineer – Elena Sych

Руководители проекта: Андрей Кричевский, Карина Абрамян
 Выпускающий редактор – Татьяна Казарновская
 Дизайнер – Григорий Жуков
 Корректоры: Алла Борисова, Ольга Параничева
 Перевод: Николай Кузнецов, Эдмунд Харрис

Project Supervisors: Andrey Krichevskiy, Karina Abramyan
 Release Editor – Tatiana Kazarnovskaya
 Designer – Grigory Zhukov
 Proofreaders: Alla Borisova, Olga Paranicheva
 Translation: Nikolai Kuznetsov, Edmund Harris

